

Фазиль и Антонина
Искандерви

Снег
виноград

О любви
и не только

УДК 82-822
ББК 84 (2)
И 86

Фазиль Искандер, Антонина Хлебникова (Искандер)

Снег и виноград. О любви и не только. — М.: Маросейка,
И 86 2011. — 244 с., ил.

ISBN 978-5-903271-74-0

Для читателя этой уникальной книги будет радостным открытием, что супруга живого классика Фазиль Искандера, «Муза», верно сопровождавшая его всю жизнь, еще до их встречи начала писать отличные стихи. Но выйти на люди поэт Антонина Хлебникова (Искандер) решается впервые. Событием, придавшим ей смелости, стала... юбилейная дата: 50 лет вместе!

«Золотая свадьба» – явление в наше бурное время не частое... А ведь тут судьба свела таких непохожих и выпало им пережить множество тяжелых испытаний – Искандер, как известно, никогда не был «любимчиком» власти.

Торжественного юбилея у них не было. Дата пришлась на минувший август, когда Москва задыхалась от дыма пожаров. Так что эта книга и есть по сути «золотая свадьба» Искандеров.

Диалог в стихах редких по духовной красоте и мудрости людей будет интересен не только поклонникам творчества Фазиль Искандера, но и всем, для кого понятие «российская интеллигенция» – не пустой звук.

УДК 82-822
ББК 84 (2)

В оформлении использованы
детские рисунки Марины Искандер.

© Фазиль Искандер. Стихотворения

© Антонина Хлебникова (Искандер).

Стихотворения

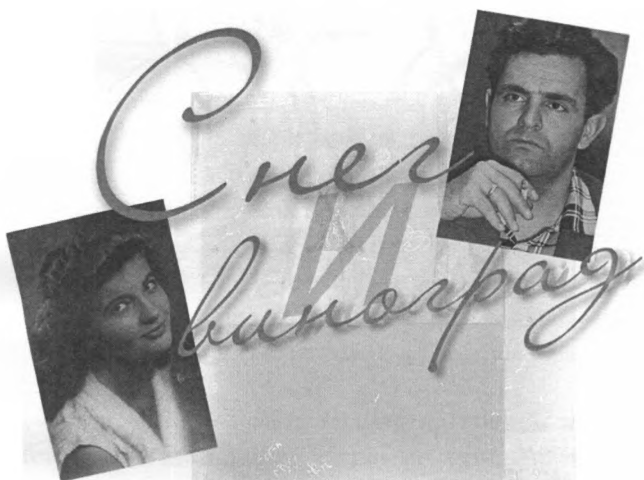
© Тамара Жирмунская 2011.

Предисловие.

© Андрей Мальков 2011. Оформление.

ISBN 978-5-903271-74-0

Фазиль и Антонина
Искандерви

О ЛЮБВИ
и не только

Москва
2011

Снег и виноград

(Двумя перьями об одной любви)

Предисловие

*Положи меня, как печать, на сердце твоё,
как перстень, на руку твою:
ибо крепка, как смерть, любовь;
люта, как преисподняя, ревность;
стрелы ее – стрелы огненные;
она – пламень весьма сильный.*

Библия. Книга Песни песней Соломона

Когда я стала думать над предисловием к этой необычной книге, первыми пришли в голову библейские возлюбленные: Соломон и Суламита (так пишется ее имя в Священном Писании) и уже потом «Суламифь» Куприна.

В сороковые-пятидесятые годы прошлого века Библия была раритетом из раритетов. Именно один из первых «возвращенцев», Александр Иванович Куприн, донес до нас, молодых, эту благоуханную поэму в прозе. «Избранное» Куприна – в поощрение робкой реэмиграции – вышло большим тиражом. Каждый дотошный книголюб мог купить, достать, взять в библиотеке.

Герои книги, которую вы держите в руках, тогда и формировались как личности. Фазиль Искандер – сначала в Сухуме, потом в Москве, Антонина Хлебникова, на десять лет моложе его, москвичка до мозга костей, девочка с Тверского бульвара, не отставала от своего суженого: много читала, пробовала писать, благо Литинститут был по соседству: он на Тверском, 25, а она жила с родителями и братом в доме номер девять.

Но «учиться на поэта» не пошла. Решила стать экономистом. Отчасти под влиянием старших, уважавших «положительные профессии», а более всего, думаю, по трезвом размышлении, ибо родилась умной и скромной. Вон сколько поэтов развелось: идешь мимо писательского вуза – сквозь прозрачную изгородь видишь тучи абитуриентов со всей страны. Многие ли из них пройдут большой творческий конкурс, многие ли выдержат другой, решающий конкурс – на профпригодность? Ведь в литературу входят единицы...

Однако суженый ее, с кем встреча еще впереди, как раз и окажется одним из этих редких «единиц». Значит, ей повезло? Это – как смотреть. Творческие люди, особенно если очень талантливы, – тяжелые представители хомо сапиенс. Во-первых, самоеды: то им не пишется, то написанное их не устраивает, а кто виноват? Прежде всего, ближайшее окружение. То, наоборот: чувствует ав-

тор, что вещь удалась, писал – как на крыльях летел, а что же критики? Правда, один похвалил, даже публично. Зато другой морду воротит. Может, он такой кислый от несварения желудка? Но сверхчувствительный писатель всё принимает на свой счет. И эти вечные ножницы между авторским и внешним восприятием. Хвалят не за то и ругают не за то! Их бы за его письменный стол! Прочитали бы семь редакций одного и того же – спесь с них, глядишь, и слетела бы...

Всем нужен преданный понимающий друг. Но как он нужен творцу книг – этого беглыми словами не передашь. Даже если раскритикует твой опус, – любя, конечно, только любя, потому тут незаменима женщина, лучше всего жена, – это же стимул для дальнейшей работы! Можно с ней поругаться, раздраконить её за невежество, за предвзятость, – но ведь это первый читатель, свой в доску, цены ему нет. Вот и рыщут писатели в поисках такой женщины, и сведущей в литературе, и с безошибочным художественным вкусом, и с чувством меры, чтобы сильно не наезжала, и чтобы собой была хороша (зачем ему уродина?), разумеется, должна быть и хозяйка хорошая: голодный гений – это хлеб биографов, мы не при военном коммунизме живем, и чтобы деток народила, красивых в неё, талантливых в него. А если оба и красивы и талантливы, значит, вместе улучшат человеческую породу. Ну,

а придётся ходить на службу – Бог в помощь!
Только не в ущерб всему остальному...

Фазиль с таким пристрастием-отстранением, с таким чисто «искандеровским» юмором описал в «Созвездии Козлотура» свою первую встречу с Тоней на благословенной абхазской земле, что и теперь, по прошествии многих лет, внимательным читателям, уверена, помнится эта прелестная курортница на набережной, с талией, про которую говорят «ножницами можно перерезать», взятая с обеих сторон, как в плен, двумя пожилыми спутницами. Освободить ее от «плотной шершавой обертки» и «погулять» с ней могло прийти в голову кому угодно. Но только поэт отважился «солнечный», во всех смыслах слова, «удар» довести до логического конца. Принять его за судьбу, а может быть, за рок. И вот они, наконец, вместе, и пребывают вместе... пятьдесят лет!

Концом пятидесятых – началом шестидесятых датировано множество стихов, написанных Ф.И. на пике влюбленности. В них нет ни капли слащавости, они мужественны и суровы, правда, смягчены самоиронией. Но уж если попала в поэтическое сердце стрела амура, оно начинает источать нежность, едва ли не превосходящую чувство матери к ее первенцу.

Я не очень люблю верлибр – свободный стих. Распространенное мнение, что, лишённые строгого ритма и рифмы, верлибры держатся внутренним напряжением, всегда

казалось мне спорным. Но вот, мастер безукоризненного ритма и ласковой рифмы («Своею ласкою поэта / Ты, рифма, радуешь одна.» – Евг. Боратынский), Ф.И. берет меня за душу и долго не отпускает выдохнутой верлибром исповедью, подлинней и заразительней которой я не могу припомнить в современной поэзии:

Я вспоминаю вечер,
Как самого лучшего друга,
Когда ты прошла вдоль берега,
И я увидел тебя.
Целую пыльную пристань!
Где мы с тобой познакомились.
Целую трап неустойчивый!
По которому мы прошли.
Его убрали за нами,
Как будто отрезали разом
Вечное, чистое, девичье
Стремление отступить.
Но отступить уже некуда,
Но отступить уже поздно,
Но отступить уже незачем,
Собственно говоря...
Я вспоминаю твой облик -
Решительный и беспомощный.
Я вспоминаю твой облик -
Торжественный и смешной.
Глаза, струящие ясность.
Ноги – два стройных стебля.
Длинные, смуглые руки,

Слабые руки птенца.
И только одна защита
В тяжелой копне за плечами.
Единственная защита
В тяжелой копне волос,
В которой запутался ветер,
В которой запуталось солнце,
Тем более, что ж тут странного,
Что в ней запутался я.

Теперь буду знать, чем держатся настоящие
верлибры. Они держатся любовью...

Немного о нашем герое, каким он был тем
памятным летом...

Он давно не мальчик, ему тридцатый год.
За его плечами сухумская средняя школа,
оконченная с золотой медалью, литинститут,
журналистская работа в России и в Абхазии.
У него вышли две книги стихов, он еще не на-
чал писать прозу. В нем перемешались две ки-
пучие крови: абхазская и персидская. В одну
из непонятных национально-очистительных
кампаний его отец Абдул Ибрагимович, перс
по происхождению, был вынужден уехать в
Иран, оторванный волею судеб от любимой
жены и троих детей (Фазиль – младший). Но
большая семья, со стороны отца городская,
со стороны матери сельская, без лишних слов
приняла и воспитала последыша, а последыш
возьми и окажись первостепенным литератур-
ным талантом.

Я знаю ксенофобов, которые о таких, как Ф. Искандер, говорят: вот и писал бы на своём абхазском или каком там еще языке, а русский оставил бы нам, русским. На это Фазиль отвечает спокойно, с достоинством, абсолютно уверенный в своём праве на участие в культуре, с молодых ногтей ставшей для него родной:

Не материнским молоком,
Не разумом, не слухом,
Я вызван русским языком
Для встречи с Божьим духом.

Чтоб, выйдя из любых горнил
И не сгорев от жажды,
Я с Ним по-русски говорил,
Он захотел однажды.

Но вернемся к началу этого эссе. Я сама не сразу поняла, с чего мне вздумалось тревожить тень библейского царя, жившего, замечу мимоходом, за тысячу лет до Христа. А потом сообразила: ландшафт «Песни песней» и ландшафт любовной лирики Ф.И. схожи между собой. Южная избыточная природа, на фоне которой разворачиваются события, и тут и там благоволит к возлюбленным, сначала накаляет, потом подстегивает их чувства. Там, где всё идет в рост, цветет и дает плод, противоестественно остаться в стороне, не внять зову плоти, так виртуозно переплетенному с потребностью души.

«Вот, зима уже прошла;
дождь миновал, перестал;
цветы показались на земле;
время пения настало,
и голос горлицы слышен в стране нашей;
Смоковницы распустили свои почки,
и виноградные лозы, расцветая,
издают благовоние.
Встань, возлюбленная моя,
прекрасная моя, выйди!»

(Песни песней. 2,11-13)

«Поднимись ветер с севера
и принеси с юга,
повей на сад мой, —
и польются ароматы его!..»

(П.п.4,16)

«Как половинки гранатового яблока,
ланины твои под кудрями твоими.

(П.п. 6,7)

«Я сошла в ореховый сад
посмотреть на зелень долины,
поглядеть, распустилась ли виноградная лоза,
расцвели ли гранатовые яблоки?»

(П.п.:6,11)

А вот наудачу открытые мной стихи Фази-
ля из любовного цикла, начатого сразу после

встречи с девушкой, действительно оказавшейся его судьбой:

Цветет мимоза, золотя нагорья.
Дурманит ароматом. Впрямь весна!
Мимоза! Ты береза черноморья,
Красавица абхазского приморья,
Как шея девичья, округла и нежна.

Ты, храбрая, живешь не ждя подвоха,
Возвратного морозца не боясь.
Есть что-то общее у нас с тобой, дуреха,
Я тоже вот влюбился, не спросясь.
А впрочем, может это и неплохо?
Давай-ка жить, поддерживая связь!

Это только начало, только первая искра, запалившая костер. Кстати, премудрый царь Соломон, от которого мы если и отходим, то чтобы к нему вернуться, изрек, а Куприн похватил: «Слово – искра в движении сердца». Многое сказано о слове, но такое читаю впервые.

Запах цветущего винограда, неведомый нам, северянам, гранатовые яблоки, тоже ставящие нас в тупик, стенанье горлинки, «щебетня» не просто птиц, а любовно поименованных пернатых; уподобление любимой объектам флоры и фауны – золотые нити, перекинутые через три тысячелетия от автора «Песни песней» к стихам нашего современника.

«А за меня сама природа, / И я природу обожал!», – обронил Фазиль Искандер в стихотворении «Кольцо», с юмором рассказывая о перипетиях своего сватовства. И подытожил свою победу на охотничий, азартный, вечный манер: «И жеребенок длинноногий / Вконец отбит от косяка».

А что же она, избранница поэта?.. Для меня было открытием, что Антонина Хлебникова, Тоня Искандер, чье полное имя Фазиль вкусно назвал «северной антоновкой», всю жизнь пишет стихи. Очень искренние и совершенно самостоятельные. Говорят, что талант «не заразен» – это, увы, правда. А как же Ахматова и Гумилев, Берггольц и Корнилов, Лиснянская и Липкин? Это надо у них спросить. Каждая пара – новая драматическая история. Две первые распались, последняя образовалась тогда, когда у обоих поэтов сложилась незыблемая репутация, когда равновеликие таланты ничего не хотели только для себя и всё, что писалось, работало на обоих...

Повлиял ли на утаённый до времени девичий дар входивший в творческую зрелость автор «Горных троп» (1957) и «Доброты земли» (1959)? Безусловно! Но нельзя сбрасывать со счетов, что Тоня уже писала стихи, когда они встретились. И, как это ни удивительно, их ритмика, передающая ритм готового выпрыгнуть из груди сердца, их ме-

тафорика изначально были близки искандеровским. Вот строфы, написанные двадцатилетней студенткой вскоре после встречи с Фазилем Искандером в Сухуме и посвященные ему:

Тяжек бромом и йодом прибой.
Олеандры так высоки!
А еще всё гудит тобой.
Ты читаешь, читаешь стихи...

И шатает субтропиков дух,
Духота или влажность кружит,
И дрожит средостение душ,
И телесной истомой блажит.

И никак тут не устоять,
Если двое – стихи и прибой.
И уже наших рук не разъять,
И не страшно в прибой за тобой.

Что тут скажешь, кроме «Браки совершаются на небесах»? Воплощенная женственность, Антонина вскоре вступает в новый период любви, который я назвала бы сладчей на милость победителя:

Где бы найти мне бумаги такой,
Тонкой и чуткой бумаги,
Чтоб трепетали строка за строкой
Чувств моих белые флаги.

Чувства мои, признающие плен
Вымысла, света и тени,
Так и стремятся подняться с колен,
Чтобы упасть на колени.

Вполне могла бы печататься, вполне! В той же недавно рожденной «Юности». И была бы замечена, не сомневаюсь. Что помешало? Какое редкостное внутреннее свойство? То, из-за которого подалась после школы не в литераторы, а в экономисты? То, из-за которого только проходила мимо литинститута, а одолеть короткую лестницу и подняться на кафедру творчества не отважилась? Видимо, стеснялась – засмеют: кто, мол, в юные годы не пишет стихов? Тоже нашлась Ахматова... Влюбленный поэт, старший по возрасту и поэтическому опыту, потом назовет это свойство полузабытым ныне словом: стыд. Скажет о своей избраннице то, что редко можно услышать от мужчины: «Струя огня, прикрытая застенчиво/Дрожащими ладонями стыда». Имеется в виду – стыдливость в любви. Но то, что особенно проявляется в страсти, вообще присуще природе данного человека.

Если бы потребность в стихописании была бы чем-то наносным, Тоня вскоре бросила бы это занятие. Рождение дочери Марины, бытовые и жилищные трудности, служба, обязанности жены и дочери немолодых родителей, втянутость в московский, всё рас-

ширяющийся с ростом его известности круг мужа, шумящий неуёмными писателями, художниками, музыкантами, киношниками — есть от чего голове пойти кругом. Но она продолжала писать. Для себя и самых близких. И никогда не делала себе скидок. Доверяла бумаге свою боль, свои надежды, мысли, догадки. Углубилась в свою родословную. Стихами, похожими на молитву, попрощалась с отцом, матерью, погибшим братом. И вдруг ощутила себя не просто бытописателем — таких хватает в литературе. Горячий ток времени, творящаяся на глазах история поставили ее лирическую душу перед вопросами сего дня и, не убоюсь этого слова, вечности. Вот тут заслуга всегда размышлявшего о Боге, смерти, истине Фазиля Абдуловича, с кем бок о бок прожила полвека, неоспорима. Ведь это ему принадлежит стихотворение «Сила», которое я выгравировала бы на меди и повесила в людных местах, чтобы вразумить сбитых с толку людей:

Да, стрелка компаса склоняется, дрожа,
В ту сторону, где вытянутый меч.
Сильнее блеска мысли блеск ножа.
И все-таки хочу предостеречь:
Всего сильней евангельская речь.

Антонина вносит свою лепту в скудную копилку гражданской поэзии:

Ах, эта бабья заумь,
Мужской топорный ум.
Куда же мы сползаем,
Плетемся наобум?

Нас дома давят стены,
На воле – воли нет.
Не распознать подмены,
Но веры меркнет свет.

В народе воцарилась
Глухая нищета.
Глаза в глаза воззрилась
Российская тщета.

Молчит пророк-прозаик
В крикливые года.
И родина сползает
Неведомо куда.

Когда-то Фазиль написал изящный диалог со спутницей своих трудов и дней. Чуть печальный, но одновременно и лукавый женский голос покрывается мужским, уверенным и оптимистичным. Образы традиционно-природные, символы прозрачные.

Ты говоришь: “Никто не виноват,
Но теплых струй не вымолить у рек.
Пускай в долинах давят виноград,
Уже в горах ложится первый снег”.

Я говорю: “Благодарю твой смех”.
Я говорю: “Тобой одной богат.
Пускай в горах ложится первый снег,
Еще в долинах давят виноград”.

Каждый вычитает в этом стихотворении
своё сокровенное. Я слышу в нем здравицу во
славу неувядаемости чувств.

Тамара Жирмунская

Фазиль
Искандер

Формула

РОЗЫ

АЙСБЕРГ

Плыл, мечтая, одинокий айсберг
В океане сумрачной воды,
Чтобы подошла подруга-айсберг
И согрела льдами его льды.
Океан оглядывая хмуро,
Чуял айсберг, понимал без слов:
Одиночества температура
Ниже, чем температура льдов.

БАЛЛАДА О БЛАЖЕННОМ ЦВЕТЕНИИ

То было позднею весной, а может, ранним летом.
Я шел со станции одной, дрозды трещали где-то,
И день, процеженный листвою, стоял столбами света.
Цвела земля внутри небес в неповторимой мощи,
Четыре девушки цвели внутри дубовой рощи.
Над ними мяч и восемь рук, еще совсем ребячьих,
Тянущихся из за спины, неловко бьющих мячик.
Тянущихся из-за спины, как бы в мольбе воздетых,
И в воздухе, как на воде, стоял волнистый след их.
Так отстраняются, стыдясь минут неотвратимых,
И снова тянутся, любя, чтоб оттолкнуть любимых.
Так улыбнулись мне они, и я свернул с дороги,
Казалось, за руку ввели в зеленые чертоги,
Чертоги неба и земли, и юные хозяйки...
Мы поиграли с полчаса на той лесной лужайке.
Кружился волейбольный мяч, цвели ромашек стайки,
Четыре девушки цвели, смеялись то и дело,
И среди них была одна – понравиться хотела.
Всей добротой воздетых рук, улыбкою невольной,
Глазами – радостный испуг от смелости крамольной,
Был подбородок полукруг еще настолько школьный...
Всей добротой воздетых рук, улыбкою невольной.

А я ушел своим путем и позабыл об этом.
То было позднею весной, а может, ранним летом.
Однажды ночью я проснулся с тревогою тяжелой,
И станет мало для души таблетки валидола.
Сквозняк оттуда (люк открыт!) зашевелит мой волос,
И я услышу над собой свой юношеский голос:
– Что жизнь хотела от тебя, что ты хотел от жизни?
Пришла любовь, ушла любовь – не много и не мало.
Я только помню – на звонок, сияя, выбегала.
Пришла любовь, ушла любовь – ни писем, ни открыток.
Была оплачена любовь миллионом мелких пыток.
И все, что в жизни мне далось – ни бедной, ни богатой
Со мной существовало врозь, уничтожалось платой.
И все, что мужеством далось или трудом упорным,
С душой существовало врозь и становилось спорным.
Но был один какой-то миг блаженного цветенья,
Однажды в юности возник, похожий на прозренье.
Он был превыше всех страстей, всех вызубренных истин,
Единственный из всех даров, как небо, бескорыстен!
Так вот что надо было мне при жизни и от жизни,
Что жизнь хотела от меня, что я хотел от жизни.
В провале безымянных лет, у времени во мраке
Четыре девушки цветут как ландыши в овраге.
И если жизнь – горчайший вздох, то все же бесконечно
Благодарю за четырех и за тебя, конечно.

ВЕСНА

Цветет мимоза, золотя нагорья.
Дурманит ароматом. Впрямь весна!
Мимоза! Ты береза черноморья,
Красавица абхазского приморья,
Как шея девичья, округла и нежна.
Ты, храбрая, живешь не ждя подвоха,
Возвратного морозца не боясь.
Есть что-то общее у нас с тобой, дуреха,
Я тоже вот влюбился, не спросаюсь.
А впрочем, может это и неплохо?
Давай-ка жить, поддерживая связь!...

Смеркается. Земля поголубела.
Хожу, ищу любимое лицо.
Порою вздрагиваю оробело,
Похожее заметив пальтецо.
Огни судов я вижу удаленные,
Прожектора зеленоватый клин,
И ветви голые, рогато наклоненные,
И ноги женщин, жадно озаренные
Огнями пробегающих машин.
Брожу в толпе. И вдруг струей горячей
Ударит кровь. Знобящий холодок.
И промельком лицо. Почти ребячье.
Неловко отведенный локоток.
Фигурка девушки и уличный поток.
И сердце снова делается зрячим,
Но забывает пройденный урок!

ВЕЧЕР

Серебристый женский голос
Замер у опушки.
Гулко надвое кололось
Гуканье кукушки.

День кончался. Вечерело
На земной громаде.
В глубине лазури тлела
Искра благодати.

День кончался. Вечерело
В дачном захолустье.
И душа сама хотела
Этой свежей грусти.

И как вздох прощальный, длился
Миг, когда воочью,
Божий мир остановился
Между днем и ночью.

ВЫСОТА

В необоримой красоте
Кавказ ребристый.
Стою один на высоте
Три тыщи триста...

В лицо ударил ветерок,
Так на перроне
Морозные коснулись щек
Твои ладони.

Почти из мирозданья вдаль
Хочу сигналить:
– Ты соскреби с души печаль,
Как с окон наледь.

Карабкается из лошин
На хвойных лапах
Настоянный на льдах вершин
Долины запах.

Толпятся горы в облаках,
Друг друга грея,
Так дремлют кони на лугах,
На шее – шея.

Так дремлют кони на лугах,
На гриве – грива.
А время движется в горах
Неторопливо.

Вершину трогаю стопой,
А рядом в яме
Клубится воздух голубой,
Как спирта пламя.

Нагромождение времен,
Пласты в разрезе,
Окаменение и сон
Всемирной спеси.

Провал в беспмятные дни,
Разрывы, сдвиги,
Не всё предвидели они –
Лобастых книги.

Но так неотвратим наш путь
В любовь и в люди,
Всеобщую я должен суть
С любовной сутью

Связать! Иначе прах и дым
Без слез, без кляуз,
Так мавром сказано одним:
– Наступит хаос.

Связать! Иначе жизни нет,
Иначе разом
Толчок! и надвое хребет
Хребтом Кавказа.

ГНЕВНАЯ РЕПЛИКА БОГА

Когда возносятся моления,
Стараясь небо пропороть:
– Прости Господь, грехопаденье
Чины, гордыню, зелье, плоть...
Теряет вдруг долготерпенье
И так отвечает Господь:
Вы надоели мне, как мухи!
От мытарей спасенья нет!
Ну, ладно бы еще старухи,
Но вам-то что во цвете лет?!
Я дал вам все, чем сам владею.
Душа – энергия небес.
Так действуйте в согласье с нею
Со мною вместе или без!
Не ждите дармовых чудес.
Я чудесами не владею
У нас по этой части бес!
Душа – энергия небес.
Тупицам развивать идею
Отказываюсь наотрез!

* * *

Город или мир в тумане?
Полночь. Смутный силуэт.
Пьяный роется в кармане
И бормочет: – Басурмане,
Ключ нашел, а дома нет.

* * *

Да, государство с государством
Хитрит, не ведая помех.
И здесь коварство бьют коварством,
У них один закон на всех.

Но грех чудовишный и низкий
На дружбе строить свой улов.
Ведь близкий потому и близкий,
Что защищаться не готов.

ДВОЕ

Потрескивали по ночам цикады
В сухом смолистом древнем сосняке.
Они звучали странно, как цитаты
Из книги вечности на мертвом языке.

А тело юное дневным палящим жаром
Бестрепетно дышало в простоте.
Светящееся в темноте загаром,
Остыть не успевало в темноте.

И день вставал, как счастье, неподвижен.
Чтоб тут же лечь в горячие пески.
Под сосняком, веснушчатым и рыжим
Баркасы драили ночные рыбаки.

Пыталась петь, слегка перевирала
Мелодии полузабытой вязь.
Ладонями песок перебирала.
Стекала струйка, мягко золотясь.

Такие же волна перетирала
Песчинки у оранжевой косы.
Ладонями песок перебирала,
Текли и таяли песочные часы.

Как струйка этого песка во власти
Судьбы, по-своему сверяющей весы
Не понимали двое, что у счастья
Такие же песочные часы.

Не понимали двое. Но в наклоне
Ее руки сквозила эта связь...
Безвольно и безоблачно с ладони
Стекала струйка, слабо золотясь.

ЕЛЬ

В лесах Осетии суровых,
Где под ногой вскипает хмель,
Среди подружек чернобровых
Стоит молоденькая ель.

Одета тонкою корою,
Стоит наивна и свежа,
Как ты ресницами, порою
Тихонько иглами дрожа.

В ней, юной, что-то есть от древней,
Той погруженной в полусон,
Нерасколдованной царевны
Из русских сказок всех времен.

Не сознавая свою прелесть,
Она прекраснее вдвойне...
Так убивают нас не целясь,
Не преднамеренно вполне.

И я подумал: те же ветры
И та же зимняя метель
Испытывают эти кедры
И эту маленькую ель.

* * *

Есть странный миг любви. Ее пределы
Особенно заметны ночью в стужу.
Когда душа уже не греет душу,
Еще усердней тело греет тело,

Как бы попытка страсти полыханьем
Возжечь любовь искусственным дыханьем!
Но обрывается...Раскинулись в тиши
Две неподвижности – ни тела, ни души.

ЖЕНСТВЕННОСТЬ

Коль женственность свести в единство,
Что перед нами предстоит?
Расширенное материнство
И углубленный стыд.

* * *

За то, что верен мой союз
С тобою, Пушкин или Тютчев,
За то, что мягок, да не гнусь,
За то, что тверд, хоть и уступчив,
За то, что с душащим сукном,
Со мной сквозь зубы говорящим,
Не сговорился ни о чем
Перед затмением предстоящим,
За то, что мягок, да не гнусь,
За простодушие поэта,
Меня убьют, но я клянусь,
Хотел сказать совсем не это.
Душа реальна. Вот мой дом.
И потому меня живьем
Никто не взял, не сжал, не скрючил
Идею чести целиком
Я в этом мире ледяном
На жизнь, как шапку, нахлобучил.

* * *

Как славно умереть и испариться.
Вчера ты был, а завтра нет тебя.
Друзей и близких опечаленные лица.
Как хорошо! И выпили, любя!

Но техника и сущность перехода
Неделикатная гнетет меня.
Больное тело требует ухода.
И дальше с трупом грязная возня.

Испытываю к небу благодарность
Не потому, что утешает твердь,
Но в ритуалах веры санитарность,
И только вера очищает смерть.

КВИШХЕТИ

Зелено-сизые вершины,
Лощины цвета янтаря,
В крапах рыжие долины,
Распахнутые, как моря;

Где четко, четко в отдалении
Идут вдоль полевой тропы,
Загнув развилки по- оленьи,
Высоковольтные столбы.

Чуть серебрясь посередине,
Не подчиняясь никому,
Кура хозяйствует в долине,
Подобно женщине в дому...

Я выхожу в село Квишхети,
Покинув пыльное крыльцо.
Горячий полдень бьет, как ветер,
Как ветер полдень бьет в лицо.

Не услышать, как ни тянитесь,
Ни звука. Где ж оно, село?
Страдою летнею насытаться,
Село вповалку полегло.

Мильоном красных капель сливы
Свисают, ветви накрены.
Как овцы выстрежены нивы,
Желтеет ровная стерня.

Стоит у дома пес понурый,
Стоит и спит ленивый страж.
Хозяин где-нибудь в Хашури
С утра вкушает жирный хаш.

В дома упрятались крестьяне.
В сады упрятались дома.
И в холодок невольно тянет,
Одолевает лень сама.

Живое прячется под тенью.
От лени лень ложится в тень.
Не то чтобы бороться с ленью,
О лени думать даже лень.

Лишь виноградник за работой.
Почти улавливает взгляд,
Как день и ночь борясь с дремотой
Упорно зреет виноград.

Он вырывается из листьев,
С теплом и светом заодно,
Переливает солнце в кисти,
Как в бочки красное вино....

Жарю свежей хлещет просинь.
Покой блаженный на душе.
Еще не наступила осень,
А лето кончилось уже.

КОЛЬЦО

Ох, это каторжное лето.
В крови сумятица его,
То самолюбие задето,
То не задето ничего!

Я был влюбленным, то-есть мрачным,
Шугал соперников, как дог,
Чтобы носить этот невзрачный,
Почти пижонский ободок.

Немало было зуботычин!
Теперь все это далеко!
Я как верблюд из старой притчи,
Пролез в игольное ушко.

Представь, мамаша и папаша,
Настороженные в тиши,
Нравоучительная стража,
Телохранители души.

Родители всегда педанты.
И вот, враждебные вполне,
Два лагеря, две пропаганды
Схлестнулись на одной волне.

Огнеупорная порода,
Привычной жизни ритуал.
А за меня сама природа,
И я природу обожал!

Да что природа! Даже дьявол
Был в этом деле за меня!
Он в мареве приморском плавал.
Валялся на песке плашмя.

Описывать ли все тревоги?
Я выиграл наверняка!
И жеребенок длинноногий
Вконец отбит от косяка.

И мы, чтоб наказать отчасти
Односторонний произвол,
Печать поставили на счастье
И подписали протокол.

Ура! Да здравствуют застольцы!
Златые горы обещал?
Авансом золотые кольца!
И значит не совсем бахвал.

И вот, бродяга и скиталец,
Покинув творческий диван,
Я любопытствующий палец
Просунул в маленький капкан.

Входил он медленно и хрустко.
Но стоп! И дальше не могу.
Быть может, знак, что будет узко
В семейном золотом кругу?

Не удавалась мне насадка.
Я хмуро пот стирал со скул.
Но вскоре мастер за двадцатку
Мне круг семейный растянул.

Светила светом необманным
Мной прирученная звезда.
Лишь по утрам казалось странным,
Что не уходит никуда.

Однажды, сам я часом ранним
Ушел из дома налегке.
С кольцом на пальце безымянном
Я появился в городке.

Девчонки, светопреставленье
В злосчастном увидав кольце,
Высокомерное презренье
Изображали на лице.

Мол, глуповато в самом деле.
Мол, все это и прах, и дым.
Мол, сами, если б захотели...
Но дело в том, что не хотим.

А некий тип, исполнен чванства,
Пыл профсоюзный разрядил.
Он крикнул радостно: – Мешанство!
Спросив зачем-то: – Где купил?

А друг, не то что поздравляя,
Сказал, задумавшись на миг:
– Кольцо – пилюля золотая,
Я соболезную, старик!

Я думал: что это за сила,
С которой сладить не смогу?
А, может быть, кольцо – грузило,
Что служит тайному крючку?

Тревог немало было ложных.
Девчонка, скажем, впереди.
Глядишь абстрактно, как художник,
– И как художник не гляди!

Когда ж пытался я на деньги
Свои же пригубить винцо,
С педагогическим оттенком
Звенело о стакан кольцо.

Но вот неожиданная разлука!
Я даже стука не слышал.
Скорей всего вошла без стука,
Как любознательный нахал.

Разлука. Что это такое?
Холодный или скучный брод.
Кольцо осталось золотое.
Вот косточка. А где же плод?

Я думал: – Что, если посеять
Златую косточку, кольцо,
Слезами поливать, лелеять,
Любви взойдет ли деревцо?

Ты спросишь, друг, не без резона:
К чему сентенции мои?
Я отвечаю непреклонно:
– Не отрекайся от семьи.

Напоминаю, между прочим,
Что древний грек изрек в пути:
До тридцати спеши не очень,
Не медли после тридцати.

Напрасны жалкие уловки,
Очаг семейный – благодать,
Особенно в командировке...
Мы ценим, я хочу сказать.

И раньше не бывал я тощим,
Теперь – тем более в соку.
И вот, почти любимец тещи,
Я про себя сказать могу:

Я рассудителен, как визирь,
Медлителен, как падишах,
И лишь с тобою, телевизор,
До смерти буду на ножах!

КРАСОТА

А не твоя ль привязанность недавняя
Девчонка та, затейница проказ,
Насмешливая, дерзкая, забавная?
За ней, как говорится, глаз да глаз.

Крылатость облика сбивает с толку начисто
Хоть стебелек и зелен и колюч,
Ты знаешь сам, под скорлупой ребячества
Нежней играет женственности ключ.

А есть другая красота, тяжелокудрая,
Вся строгость линий и отчетливость границ,
Где гордой прелестью сияет целомудрие,
Мне любы сумерки опущенных ресниц.

Но есть и третья, та совсем особая,
В ней первых двух причудливая вязь,
Как будто одолеть друг друга пробуя,
В одной крови живут, соединясь.

И эта третья мной любима женщина.
Она смела, пуглива и горда.
Струя огня, прикрытая застенчиво,
Дрожащими ладонями стыда.

НА ПРИЧАЛЕ

Какие проводы и встречи,
Далекий юг, далекий год!
Пришвартовавшийся под вечер,
Дышал, как пахарь, теплоход.

Она у поручней стояла,
Светясь собой из полутьмы.
Глазели на нее с причала
Гуляки разные и мы.

Фигуры легкой очертанья,
То ли улыбка, то ли смех
И льющееся обаянье
Ни на кого или на всех.

Благословляю изумленность
Ее прозрачной красотой,
Тобой, летучая влюбленность,
И недоступностью самой!

Гремело рядом: – Вира! Майна!
В кофейне затевался пир.
Непостижима ее тайна,
Но ею постигают мир.

Лицо, бледнеющее в нимбе
Чуть золотящихся волос.
Причал. Богиня на Олимпе
И заглядевшийся матрос.

ЛАСТОЧКА

А.Х. 30.12.2004.

Какой порыв , какой размах,
О, ласточка, черти черту!
Как поиск истины впотьмах,
Твои зигзаги на свету!

О, ласточка, какой размах!
Стремительная чистота.
Так вольно решишь в небесах
И так трепещешь у гнезда!

Гнездо под крышею у слег,
Где тянутся птенцы в мольбе.
Какая храбрость, человек,
Она доверилась тебе!

Забудем тягостные сны,
Ночную тень земных обид.
А небеса нам не страшны,
Там роспись ласточки парит.

ЛЕТНИЙ ЛЕС

Здравствуй, крона вековая до небес!
Здравствуй, временем не тронутая чаша!
Летний лес, птичий лес, вечный лес –
Это молодость моя или наша?

Начинаются и шорох, и возня
Где-то в сумраке зеленом, в тайных гнездах.
Словно капли дождевые, щебетня
Сквозь мерцающий, пульсирующий воздух.

Переплеск, перестук, перелив...
Я мелодию угадываю все же:
– Рад, что жив! Рад, что жив! Рад, что жив!
– И я тоже! И я тоже! И я тоже!

Дикий голубь, зимородок, соловей...
Я прошу тебя, лесное бездорожье,
Ты печаль мою трамвайную развей!
Все мы были и юнее, и моложе.

Переплеск, перестук, перелив.
Голос птицы родниковый и глубокий:
– Рад, что жив! Рад, что жив! Рад что жив! –
Брызжет с веток и охлестывает щеки.

Это песня широты и доброты.
Небо есть. Солнце есть. Так чего же?
– Ну а ты? Ну а ты? Ну а ты?
– Я не знаю...Ну, конечно... И я тоже.

ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Знакомцы говорят опять,
Что сам всему виною,
Что должен был я удержать
Любовь любой ценою.

Ценою своего лица
Счастливым будь смиренник!
Чтобы хватило до конца
И нежности и денег.

Прижаться в духоте ночей
К плечам, губам, коленам?
Любой ценою? А точнее?
Точней, по сходным ценам!

Теперь вдали – твои дела,
И голос твой все глуше.
Быть может, руку подала
Гадалке-маникюрше...

Быть может, влажные резцы
Ты обнажишь, оскалясь,
Когда научат подлещы
Любить, не спотыкаясь.

Набороздят кошачий зуд,
Накрутят на пластинки,
Потом по лавкам разнесут,
Почем любовь на рынке?

Товарец хлопнуть по плечу
Или, как с пива пену,
Всю горечь слуть? Я не хочу,
Не назначайте цену!

МАЛЫШУ

Впервые встал. Шатнуло вбок.
Задумался почти печально.
Смелей, смелей! Еще шажок!
И да поможет тебе Бог
Надежнее, чем сила ног,
Стоять и мыслить вертикально!

* * *

Мне снились любящие руки.
Они тянулись и просились.
И музыки далекой звуки
Сквозь толщу жизни доносились.

Сквозь толщу жизни эти звуки,
Сквозь мусор горьких заблуждений.
И эти любящие руки
Как ветви с робостью весенней

Тянулись долгое мгновенье
И не решались прикоснуться,
Как будто их прикосновение
И означало бы – проснуться.

МОЛИТВА ЗА ГРЕТХЕН

Двадцатилетней, Господи, прости
За жаркое, за страшное свиданье,
И, волоса не тронув, отпусти,
И слова не промолви в назиданье.

Его внезапно покарай в пути
Железом, серой, огненной картечью,
Но, Господи, прошу по-человечьи,
Двадцатилетней, Господи, прости.

НА НОЧЬ

И отходя ко сну в тиши,
Вздохнуть и прочитать, расслабься
Всех помыслов дневных души
Непредсказуемую запись.

И молвить, счастье затая,
Оценивая день свой в целом:
Сегодня, слава богу, я
Особых глупостей не сделал.

НА ПАЛУБЕ

Что это, я не знаю,
Что это вспомнилось мне?
Линия береговая,
Музыка на волне.

Свет голубой и зеленый
Праздничного огня.
Бабы. Узлы. Бидоны.
Палуба. Толкотня.

Рядом отец мой нестарый
Трубкой уютно дымил.
Кто-то играл на гитаре,
Кто-то ребенка кормил.

Веки отца соколиные.
Глаз обжигает белком.
Помню усы его длинные,
Пахнувшие вином.

Веяло чем-то кавказским,
Южнороссийским, своим.
Чем-то таким цыганским,
Таборным, кочевым.

Помню платки и платочки –
Каждый на собственный вкус.
Выложенные на бочке
Яблоки, рыба, арбуз....

Моря ночного прохлады,
Доброй луны леденец.
С матерью вез нас куда-то
Мой невезучий отец.

НАСЛЕДНИК

Был знак великий над Россией,
Но незамеченный прошел.
Юнец, больной гемофилией, -
Ему ли предстоит престол?

Он знаком был, ребенок милый,
Полупрозрачный, как янтарь.
Над ним берлинское светило
Склонил лечебный календарь.

Но не было того лекарства
У слабого царя в руке.
И не дитя, а государство
Уже висит на волоске.

Он знаком был, ребенок милый,
Что надо загодя народ
Готовить, старого кормила
Предупреждая поворот.

Кто знал? Лишь речи в перепонки,
Где каждый каждого корит.
Дурная мать заспит ребенка,
Дурной отец заговорит.

Под этот говор дремлет барство
Иль в табор мчит на рысаке.
И не дитя, а государство
На волоске, на волоске...

И рухнуло! За кровь в подвале,
За детскую, за всю семью –
Мы долго, долго проливали
Безостановочно свою.

Мы долго, долго истекали
Безостановочно своей.
Об этом ведали едва ли
В стране теней, в стране теней...

Когда под вышками дозорных
Мы перекраивали край,
Лишь с криком души беспризорных
Влетали в уплотненный рай.

Вот что однажды, над Россией
Застенчивой звездой взойдя,
Стране, больной гемофилией,
Больное предрекло дитя.

Не европейскою наукой,
Не азиатскою ворожбой,
Но только покаянной мукой
Мы будем спасены судьбой.

* * *

Незабываемый вовеки
Широкоглазия разрез,
Полуопущенные веки
Под легкой тяжестью небес.

Под легкой тяжестью...Нелепо
Но с логикою невпопад,
Кто чаще думает про небо,
Тот чаще опускает взгляд.

* * *

Ненапечатанная повесть –
Я вырвал на рассказ кусок!
И смутно торкается совесть,
И на зубах хрустит песок.

За что? Я не смягчил ни строчки,
Но зябко оголился тыл,
Как будто хлеб у старшей дочери
Отнял и сына накормил.

НОЧНОЙ ПИР НА РАЗВАЛИНАХ ДИОСКУРИИ

А.Х.

Обжор и опивал
Достойная опора,
Я тоже обладал
Здоровьем горлодера.

Я тоже пировал
При сборище и зелье,
Где каждый убивал
Старинное веселье.

В непрочности всего,
Что прочным предрекалось,
Одно твое лицо,
Как пламя, подымалось.

Полуночной судьбы
Набросок в лихорадке,
И линия губы
Как бы прикус мулатки.

В непрочности всего
Несбыточного, что ли,
Вовек одно лицо
Пульсирует от боли.

И потому его
На дьявольскую прочность
В непрочности всего
Пытает червоточность.

И потому у губ
Так скорбны эти складки,
Но потому и люб
Твой пламень без оглядки.

Пусть обескровлен пир
От долгих посиделок,
И плотно стынет жир
Предутренних тарелок...

И страшен, невпопад
Трезвеющий Иуда,
Его далекий взгляд
Откуда-то оттуда...

И все-таки, клянусь,
Мы сожалеть не будем,
Что нас подводит вкус
От голода по людям.

Ты слышишь чистый звук,
За окнами простертый?
Крик петуха, мой друг,
Но этот город мертвый...

Крик петуха, мой друг,
Под млечным коромыслом,
Где тонет всякий звук,
Не дотянув до смысла.

НОЧЬ И ДЕНЬ

Частица смерти – ночь. Частица жизни – день.
Порой бессонницы пылающее бремя
В сон не дает переступить ступень.
Ревнует смерть за отнятое время.

Жизнь простодушнее – не смотрит на весы.
Мы просыпаемся, а солнце уж в зените.
Вот плата за бессонные часы.
Спокойна смерть и шепчет: спите, спите.

О МАТЕРИ

Как матери портрет нарисовать,
Превозмогая горечь опоздания?
Страдания твои лечила мать
Превосходящей болью сострадания.

И этой боли сладостный прибой
Сегодняшнюю боль твою утишит.
Ее душа дышала над тобой
И в небесах, быть может, еще дышит.

ПИЦУНДА

Черноморский прогулочный катер
Огибает пицундский мыс.
На оранжево-красном закате
Черный вырезан кипарис.

Губы девичьи, сжатые твердо,
Русских глаз азиатский раскос.
Над волной, уходящей от борта,
Уходящие волны волос.

Ты взглянула спокойно и смело.
Ведь не просто лицом хороша.
Не глазами в глаза поглядела,
А к душе прикоснулась душа.

Вот и ветер нам лица полощет.
Рыжий берег. Песчаный зной.
Помнишь запах сосновой роши,
Суховатый и смоляной?

Виноградные плотные кисти.
Ты прищурилась над костром.
Были звезды и мокрые листья,
Были весла и песни потом....

Неуклюжий я, неуклюжий.
Приспособиться не могу –
Только кепку надвину туже,
Только на ночь куплю табаку.

Только вспомню: дымок над портом,
Русских глаз азиатский раскос.
Над волной уходящей от борта,
Уходящие волны волос.

ПЛАЧ
ПО ЧЕРНОМУ МОРЮ

А.Х.

С ума сойти! Одна секунда!
Где моря теплый изумруд?
Одесса, Ялта и Пицунда –
Для нас умрут или замрут?

Потеря в памяти хранится,
Другим потерям – не чета:
России – южная граница,
России – летняя мечта.

России – южная граница.
Страна от самой Колымы
Сюда мечтала закатиться
И отогреться от зимы.

Суля вселенскую свободу,
Россия, смыслу вопреки,
Тебя разбили, как колоду,
Картежники-временщики.

Измордовали твою сушу,
Порастащили по углам.
Но море Черное, как душу,
Хотелось крикнуть: – Не отдам!

Где горы зелени, где фрукты,
Где на закате теплоход?
Все разом потеряла вдруг ты,
Оставив земляков-сирот.

России южная бездомность.
Где пляж горячий, где песок?
Где моря Черного огромность
И кофе черного глоток?

ПРИЗНАНИЕ

Я вспоминаю вечер,
Как самого лучшего друга,
Когда ты прошла вдоль берега,
И я увидел тебя.

Целую пыльную пристань!
Где мы с тобой познакомились.
Целую трап неустойчивый!
По которому мы прошли.

Его убрали за нами,
Как будто отрезали разом
Вечное, чистое, девичье
Стремление отступить.

Но отступить уже некуда,
Но отступить уже поздно,
Но отступить уже незачем,
Собственно говоря...

Я вспоминаю твой облик –
Решительный и беспомощный.
Я вспоминаю твой облик –
Торжественный и смешной.

Глаза, струящие ясность.
Ноги – два стройных стебля.
Длинные, смуглые руки,
Слабые руки птенца.

И только одна защита
В тяжелой копне за плечами.
Единственная защита
В тяжелой копне волос,

В которой запутался ветер,
В которой запуталось солнце,
Тем более, что ж тут странного,
Что в ней запутался я.

Домой возвращаюсь ночью,
В комнате свет зажигаю.
Что-то такое хорошее
Сделать мне предстоит?

Да! Закурить сигарету.
Да! Поглядеть твоё фото.
Вот оно, что оказывается
Сделать мне предстоит.

Медленно я закуриваю.
Медленно открываю,
Пахнувший пихтой ящик
Письменного стола...

И ты, повернув свою голову,
Глядишь, почти улыбаясь,
Цветок, что сумел пробиться
Сквозь камни в центре Москвы.

Я думаю: – В самом деле!
Не поставить ли фотографию,
Чтобы ты цвела в моей комнате,
В вазу со свежей водой?

Но вот, что всего удивительней,
Вот, что непостижимо –
Ты делаешься прекрасней
С каждым днем на глазах.

Как будто бы снимок – яблоко.
Оно наливается соком.
Северная антоновка!
Это же имя твое.

Яблоко. Я задумался.
А вдруг тебя кто-то надкусит?
Яблоко. Я задумался.
Неужто тебя сорвут?

А если стряхнут тебя с ветки,
Куда ты покатишься, яблоко,
Куда ты покатишься, а?

ПРОТИРАЮЩАЯ ОЧКИ

Там торкались в стекло окна
Зелено-гибкие побеги.
Была задумчива она,
Полуопущенные веки.

Взяв со стола его очки,
Она платком их протирала.
Движение ее руки
Движенье ветки повторяло.

Руки трепещущий наклон,
И ветки за окном скольженье..
С улыбкою подумал он:
Далековатое сближенье.

И вдруг слышалось остро,
Как сказанное кем-то слово:
Чем машинальнее добро,
Тем убедительней основа.

Порою тихо и светло,
Чуть приподняв очки повыше,
Она дышала на стекло,
Как на птенца ребенок дышит.

И эта белизна платка
Шемящей сладостью смущала:
Так в детстве мамина рука
Глаз от соринки очищала.

И он подумал: чудеса!
Не совпадения удачность –
Приоткрывает небеса
Рука, творящая прозрачность!

И прожитое вороша,
Знававшая такие корчи,
Вдруг успокоилась душа –
Почуял он – и стала зорче.

Он разглядел издалека,
Как некий запоздалый сокол:
Сестру и мать у очага,
Что и не снилось из-за стекол.

РЕБЕНОК

Первозданною радостью брызни
И рассмейся от счастья навзрыд!
За невидимой бабочкой жизни
По лужайке ребенок бежит.

Косолапые эти движенья,
Человек, человек, человек!
И зеленой земли притяженье,
Убыстряющее разбег.

Пузырящийся парус рубашки
Да кудряшки, и только всего.
Верноподданные ромашки
Припадают к ножонкам его.

И трясется от хохота прядка,
Он бежит через лес васильков,
И зубов его верхних двойчатка
Ослепительней облаков.

Никому никакой укоризны,
Вздор – сомненья и мелочь обид.
За невидимой бабочкой жизни
По лужайке ребенок бежит.

И земля, улыбаясь на топот,
Подстиляет траву, как постель.
И ступням его шепчет, должно быть:
Параллель, параллель, параллель!

РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Дикарь в лесу бананы ел,
Рукой прокорм прикрыв сурово.
И жадно на него глядел
Младенец племени чужого.

Младенец чмокал, как во сне,
Дикарь и сам как бы спросонок,
Но равнодушно не вполне
Подумал: голоден ребенок.

Держаться крепче надо впредь
Законов племени и веры.
Ребенка хочется жалеть,
Хоть он не из моей пещеры.

Тогда невидимый огонь
Влетел в него, сорвавшись с неба.
И он ребенку ткнул в ладонь
Прообраз будущего хлеба.

Ребенок ел. Он дал еще.
Чему-то смутно удивился.
И вдруг подумал: хорошо...
И человек на свет явился.

РОССИЯ ПЬЮЩАЯ

Любовь, разлука. ностальгия –
Ряды обиженных мужчин
Повсюду пьют. Но лишь в России
Своя особенность причин.

Все пьют и даже бьют посуду
Недорогого образца.
И только мы всегда, повсюду
Все допиваем до конца.

Спасайся от хандры и сплина,
С парами алкоголя – ввысь!
У нас такая дисциплина:
Нам не допив не разойтись.

Какая жажда нас изводит?
Чем россиянин одержим?
Объем обиды превосходит
Объем посуды со спиртным.

И кто осудит нашу склонность?
У нас национальный стиль!
Достигнутая завершенность –
Опорожненная бутылка!

СВИДАНИЕ

А.Х.

Сквозь сутолоку улицы московской,
Сквозь легкий дождь она ко мне бежала,
От столкновенья робости с отвагой
Порывисто струился каждый шаг.
Струились волосы и платье на груди,
Разбросанно струился легкий плащ,
Разорванно, как финишная лента,
Струился шарф. Она ко мне бежала,
Досадуя на все, что гасит скорость,
Как бы выбрасываясь из одежды,
Ладонями дождевки отстраняя,
Как отстраняют ветки на пути...
Вот так она бежала через площадь,
Закинув голову движеньем олимпийским,
С лицом горящим и надменным от стыда.
Так в древности к возлюбленным бежали
Или, прекрасна в доблести гражданской,
В кварталы Рима римлянка вбегала,
Чтоб городу кричать: "Враг у ворот!"
...И стоит ли теперь мне говорить,
Что мы в кино чуть-чуть не опоздали.
Шла итальянская картина в этот день.

СИЛА

Да, стрелка компаса склоняется, дрожа,
В ту сторону, где вытянутый меч.
Сильнее блеска мысли блеск ножа.
И все-таки хочу предостеречь:
Всего сильней евангельская речь

Сирень и молнии. И пригород Москвы –
Вы мне напомнили, а может, и не вы...
Сирень и сполохи, и не видать ни зги,
И быстрые по гравию шаги,

И молодость, и беспризорный куст,
И самый свежий, самый мокрый хруст,
Где кисти, тяжелея от дождя,
Дрожмя дрожали, губы холода,

Дрожмя дрожали, путались, текли.
И небом фиолетовым вдали
Твой город, забегая за предел,
Библейским небом грозно пламенел

И рушился, как реактивный вал,
И в памяти зияющий провал.
Так значит – все? Так значит – отрешись?
Но я хочу свою додумать жизнь,

Когда дожить, в бесчестие не впав,
Нет признаков, мой друг...Иль я не прав?
Но почему ж так хлещут горячо
Сирень и молнии и что-то там еще,
Похожее на плачущую тень?
Кто ты? Что ты? Я все забыл, сирень...

* * *

Слились в объятиях, и он
Прикрыл ей поцелуем веки,
Чтобы продлился этот сон
На час? На день? Или навеки?

Она в объятиях хороша,
Но в сущности не в этом дело:
Коснулась ли души душа,
Когда сливалось с телом тело?

СОВЕСТЬ

Дарвина великие старанья,
Эволюции всемирная волна.
Если жизнь – борьба за выживание,
Совесть абсолютно не нужна.

Верю я – в картине мирозданья
Человек – особая статья.
Если жизнь – борьба за выживание,
Выживать отказываюсь я.

Есть бессовестность, конечно, но не это.
Тянут люди трепетную нить –
Неизвестному кому-то, где-то
До смерти стараясь угодить.

Кто создал чудесный этот лучик,
И кого он не пускает вспять?
Погибали лучшие из лучших,
Чтобы этот лучик передать.

Говорить, конечно, можно много,
Многое понятно между строк.
Совесть есть, друзья, реальность Бога,
И реальность совести есть Бог.

СРЕДНЕРУССКАЯ ОСЕНЬ

Среднерусская осень особая,
В ней крестьянского много, женского.
Не кричит она, крыльями хлопая,
О себе с плетня деревенского.

Пионеры костры палят,
Иль рябины в холодном пламени?
Погляди, журавли летят,
Пролетают бесшумно, как планеры....

Золотые листья березы.
Тугоплавкая зелень ельника.
Осень, осень... Скрипят обозы,
Будет много работы у мельника.

СТАРИК И СТАРУХА

Море лазурное плещется глухо.
Залюбовался издалека:
Входят в море старик и старуха,
Медленно входят, в руке – рука.

За руки взявшись, все дальше и дальше,
Дальше от нас и от грешной земли.
Это трогательно без фальши,
Как хорошо они в море вошли!

В юности было... Впрочем, едва ли...
Где-нибудь в Гаграх или в Крыму
С хохотом за руки в море вбежали,
Но выходили по одному.

Боже, спаси одинокие души,
Всех одиноких вблизи и вдали.
Как эти двое жили на суше?
Так вот и жили, как в море вошли.

Музыка счастья доходит до слуха
И отдается болью слегка.
Входят в море старик и старуха,
И уже под водою в руке – рука.

СТРОФЫ

Ты золотистая, ты отмель у залива.
Мне хорошо с тобой в часы прилива.
Я в твой песок накатанный, горячий
Вхожу волной соленой и незрячей.

Я знаю, мед и яд твои объятья,
Но от тебя лишь ты противоядьё.
Противоядьё ты. Но где найдете,
В какой аптеке продают противомедьё?

Моря, мелея, делаются тише,
А плоский берег делается выше.
Как много спеси в этом косогоре!
Жалею я мелеющее море....

Ты – вечный куст сирени у порога.
Я – вечно мимо проходящая дорога.
Нет, ты, скорей, костер в глубинах чаши,
А я охотник, у костра сидящий.

Я молча над огнем сижусь склоненный,
Я грею над тобой свои ладони.
Таится тень предателя во мраке,
А рядом нет ни друга, ни собаки.

Что толку про себя копить обиды?
От жизни кроме жизни нет защиты.
Ладонью я нащупываю камень.
Струится и колеблется твой пламень.

* * *

А.Х.

Ты говоришь: “Никто не виноват,
Но теплых струй не вымолить у рек.
Пускай в долинах давят виноград,
Уже в горах ложится первый снег”.

Я говорю: “Благодарю твой смех”.
Я говорю: “Тобой одной богат.
Пускай в горах ложится первый снег,
Еще в долинах давят виноград”.

УЛЫБКА

Улыбка – тихое смушенье,
Начало тайны золотой.
А смех – начало разрушенья
Не только глупости одной.

Что помню я? С волною сшибка
В далекой молодости той.
И над водой твоя улыбка
Промыта страхом и волной.

Язвительного варианта
Подделку вижу без труда.
Улыбка, как сестра таланта,
Не длится долго никогда.

Улыбка Чаплина, Мазины,
Робеющая без конца.
Преодоленный плач отныне
Нам будет разбивать сердца.

Вокруг хохочут жизнелюбы,
Как будто плещут из ведра.
Твои раздвинутые губы
Как бы процеженность добра.

Но даже ангелы, что вьются
Над жизнью грешной и земной,
Не представляю, что смеются,
Но улыбаются порой.

ЕЩЕ УЛЫБКА

Как расточительно и зыбко
В ее лице дрожит опять
Попытка удержать улыбку
И неуменье удержать.

Внезапно губы озарила
Полуулыбка, полусвет,
Как будто солнце не решило
Взойти или сойти на нет.

ФОНАРИК

Покидая этот шарик,
Исчезая вдалеке,
Храбрый, маленький фонарик
Хорошо зажать в руке.

Где же взять этот целебный
Храбрый, маленький фонарь,
То ли сказочный, волшебный,
То ли Божий инвентарь?

Надо в жизни и при жизни
Заработать на него.
Свет погас. Фонарик, брызни!
И не страшно ничего!

ФОРМУЛА РОЗЫ

На цветущую розу взгляните.
Не сходите при этом с ума.
Потому что она – вне ума,
Красоты идеал в чистом виде.

Ну а если сошел ты с ума,
Роза вылечить сможет сама.
О шипы ее пальцами ткнись –
Вместе с кровью прорежется мысль.

ЯЗЫК

Не материнским молоком,
Не разумом, не слухом,
Я вызван русским языком
Для встречи с Божьим духом.

Чтоб, выйдя из любых горнил
И не сгорев от жажды,
Я с Ним по-русски говорил,
Он захотел однажды.

Step forward.

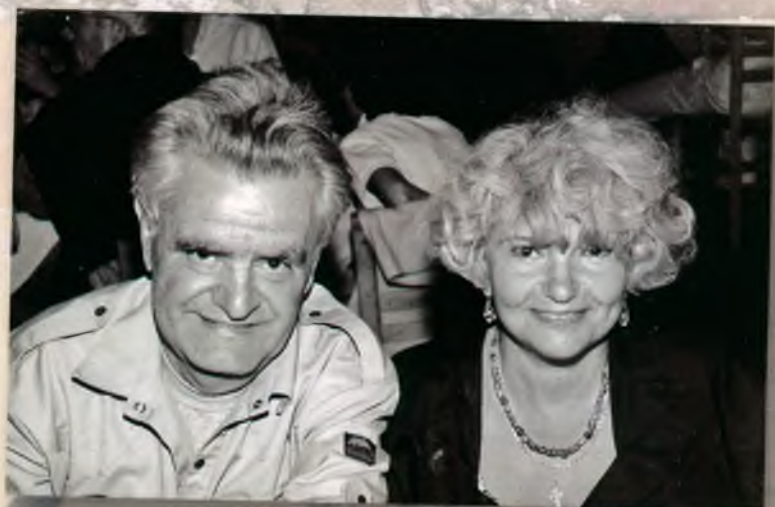

Feb 14 1991

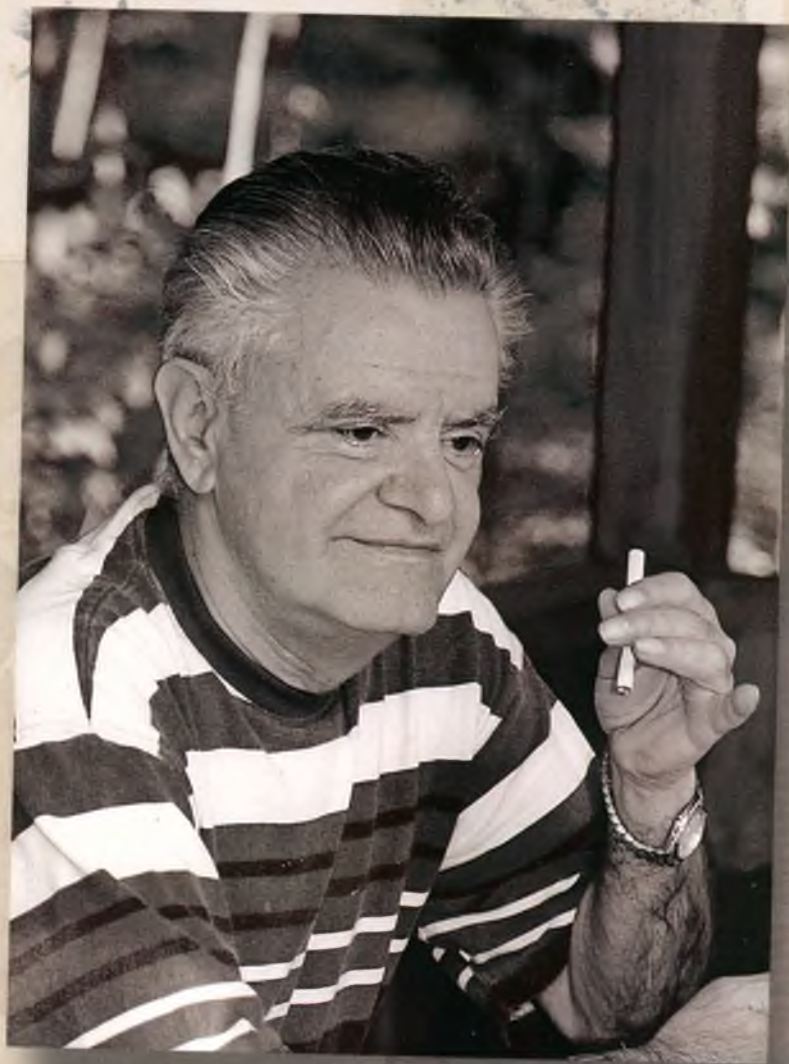

Антонина
Хлебникова
(Крангер)

Побег
ДУШИ

НАЧАЛО

Диптих

Фазилю И.

1. СУХУМСКИЙ БЕРЕГ. ДЕНЬ

Ах, откуда смуглость твоя
И такая в подглазьях тень?
Ах, откуда смутность моя
В ослепительно яркий день?

Ведь покоя волшебный чертог
Был хранителем жизни моей.
И никто нарушить не мог
Безмятежную оторопь дней.

Это море тому виной?
Ах, ответа мне не найти.
Или солнце тому виной,
Перекрывшее все пути,

Затопившее все кругом,
Раскалившее все вокруг...
И куда-то плывет в голубом
Нестерпимо оранжевый круг.

2. СУХУМСКИЙ БЕРЕГ. НОЧЬ

Тяжек бромом и йодом прибой.
Олеандры так высоки!
А еще все гудит тобой.
Ты читаешь, читаешь стихи...

Слышу, внемлю – не просто так,
Голова на крутом вираже –
То Луконин, то Пастернак,
Или Поль Элюар с Беранже.

И шатает субтропиков дух,
Духота или влажность кружит,
И дрожит средостение душ
И телесной истомой блажит.

И никак тут не устоять,
Если двое – стихи и прибой.
И уже наших рук не разъять,
И не страшно в прибой за тобой.

1960 – 1961 г.

* * *

Ф.И.

Видно, счастлива до неприличия –
Все сегодня я преувеличиваю.
Накатило-нашло настроение:
Солнце зимнее, по мне – весеннее.

Навестил ты меня гриппозную,
Подарил мне веточку звездную.
Заискрился в комнате воздух
От морозной веточки в звездах.

Засияла судьбы моей линия –
Ветки графики в блесках инея.
...И теперь я боюсь до отчаяния
Неизбежности таянья.

* * *

Где бы найти мне бумаги такой,
Тонкой и чуткой бумаги,
Чтоб трепетали строка за строкой
Чувств моих белые флаги.

Чувства мои, признающие плен
Вымысла, света и тени,
Так и стремятся подняться с колен,
Чтобы упасть на колени.

* * *

Мне временами кажется, что я
Уже жила когда-то, где-то.
Что это было: письма перечтя,
Я так же не заснула до рассвета.

Что я ждала, что страшно было ждать,
Что, медленно пройдя по шатким сходням,
Последним взглядом берег провожать
Я продолжала раньше – не сегодня.

Но удалось ли мне предугадать
Конец счастливый – я уже забыла...
Тревожно мне теперь судьбу пытаться,
Загадывать: тогда что дальше было.

1960

* * *

Доверчивость мне детство даровало.
Мне беззащитность юность сберегла.
О, жизнь, зачем меня набаловала,
Чтоб после стукнуть так, из-за угла!

Твоя любовь цветами не дарила,
Не трепетала бабочкой в руке –
Как рок настигла, тяжело придавила,
Зажала властно в жестком кулаке.

Что – кости сломаны,
что – крылья перебиты –
О, победитель знать не хочет ничего!
Настанет срок. Предъявит счет и – квиты:
Прочь, – крикнет, – прочь,
Больное существо!

ПОСЛЕДНЕЕ

Они встретились,
как встречались когда-то давно, у метро,
и тревожно шли рядом
и думали настороженно
каждый об очень своем,
но оба думали об одном.
А вьюга, беснуясь, кинула ей под ноги
комоч бумаги – словно бросился под ноги
неожиданный шенок
с пугающе беззвучным лаем.
Вздрыгнув, в испуге прижалась –
древний инстинкт, роднящий все живое, –
но уже отпрянула в испуге,
и снова одна,
только еще рядом,
рядом с ним,
только в последний раз.
Прибитый вплотную к тротуару,
стоял одинокий пустой троллейбус
с плотно прижатыми к крыше усиками –
большое беспомощное насекомое
с оторванными крыльями.
И вот уже дверь его номера,
последняя дверь,
куда им войти вместе.

Безнадежно оглянулась, увидела:
на ее шубе хищно повисло
мертвою хваткой
вывернутое мехом наружу
жаркое его пальто.
Между ними стол,
Как будто в насмешку, круглый,
и они за ним –
две диаметрально расположенные,
две противоположные точки.
А ему говорить очень трудно,
но ему очень нужно что-то сказать,
сказать им обоим,
сказать ей,
сказать в последний раз.
Струя сухого зеленого вина
из зеленой бутылки
бесконечной змеей,
играя бликами на гладкой чешуе,
все вползает в ее и его бокалы.
Ах, она опьянеет, если не будет есть, как все люди,
за столом, накрытым на двоих,
вдвоем, в комнате,
где уже никого не будет завтра.
Ах, нет, это виновата пустая бутылка,
она просвечивает на свету и дает зеленую тень,
а кто скажет, что съедобны зловеще-зеленые крабы.

И она не могла, как в детстве,
изойти слезами, всей болью,
переходящей в шемящую сладость
слабости, забытья и всепрощения.
На стене, над самой его головой
раздражающе косо висела большая картина,
дразня неожиданностью развязки.
Крупными слезами плакала долька мандарина
в мучающихся пальцах.

Я ПЕРЕСТАНУ

Я перестану переживать,
Сгустки обиды, как жвачку жевать.

А всепрощение – радость иль грех?
Истина – что? – и единая ль для всех?

Истине с возрастом научусь,
Честно расплачусь и расплачусь.
И улыбнусь благодарно судьбе,
Что отдаю всепрощенье – тебе.

В МЕТРО

Здесь поездов немолчный гул
Испытывает нас на прочность,
Здесь стен парадная лубочность,
Колонн суровый караул.

На эскалаторе стою,
На всех, по лестнице спешащих
Или недвижимо стоящих
Сомнамбулически смотрю.

О, чудо-лестница, на ней
Людской поток дремотно-зыбок,
И лица стыннут без улыбок,
Как будто в царствии теней.

Толпа баюкает меня.
В душе усталости осадок,
Дремлю, стихии распорядок
Благословая и кляня.

В метро в подземном свете дня,
Дремлю в стоячем положенье...
Миг покачулся в такт движенью –
И ты навек обнял меня.

НОЧНАЯ ГРОЗА В СУХУМЕ

Черные тени платанов
Метались по стенам в тот вечер.
Огромной лохматой собакой
Тень от твоей головы
Снова и снова бросалась
Ослепшему свету навстречу
И исчезала снова
В громовой кромешности тьмы.
Внезапная ярость света,
Который, казалось, выжег
В глазах гигантские бельма,
Отдав на потеху тьме...
И среди этого буйства
Черных и белых вспышек
Тихо дышал ребенок
В мирном доверчивом сне.

1962 г.

ВЕСНА. КОКТЕБЕЛЬ

Весна! Мы снова похудели,
Помолодели и нежны.
Душа трепещет на пределе
Пред явью вечной новизны.

И силы как бы на исходе,
Но нарождается в тиши
Дар обновления в природе –
Побеги новые души.

Ее расцветшие просторы
Оглядкой трезвой не стесни.
...А смысл откроется не скоро
И жизни нашей. И весны.

*Май 1982 г.
13 февраля 1983 г. родился
сын Александр Искандер/*

КНИГОЧЕЙ

Как бы привязанность к микстуре
Астматика от астмы злой –
Так нас любовь к литературе
Опутала тугой лозой.

Тот плен – досада и награда,
Как берега одной реки,
Нам в жизни лишь одна отрада
Всем наслажденьям вопреки.

...Здесь вечности живые струны
Звучат – мы счастливо парим,
Листая нашей жизни руны,
Не видя жизненных руин!

* * *

Опять одна. Беспомощно и пусто
В моем дому. Никто не стукнет в дверь.
Я обреченно ухожу в искусство,
Как в дебри умирать уходит зверь.

Какое это дьявольское средство —
Себя тоской высокой защитить
И быть уже на грани чужодейства
И одиночество, как счастье, ощутить.

НОЧНОЕ

Почему стихи пишутся ночью,
Когда все затихает и спит?
Ночью слышишь и видишь воочью
Поступь времени, цокот копыт.

В этом ритме душа и слышит:
Не затоптана и тиха,
Нарождается, трепетно дышит
Осторожная жизнь стиха.

* * *

На меня навалился страх,
Будто вовсе умерло слово.
Только мертвые строчки в сетях
Моего дневного улова.

Страх безмолвья меня окружал,
Уплотнял немоту до предела,
Поздно ночью мне горло сжал,
Тело в смертной тоске холодело.

Но последний, предсмертный крик,
Вдруг исторгшись из горла немого,
Повергает страх.
Мой язык
Произносит ожившее слово.

* * *

Стихов короткое дыханье –
Как волн прибрежных колыханье,
Когда на море тишь да гладь
И в мире – Божья благодать.

Но длинное стихов дыханье –
Попытка миропониманья:
В самой системе мирозданья
Нашупать Ариадны нить –
Все сущее соединить.

Тогда поэт берет разбег
На день,
                  на миг,
                          на век.

ПАМЯТИ ЛЬВА ГУМИЛЕВА

Он – законный двух гениев плод,
Гумилев – воплощение породы,
Крестный путь и бунтарский полет
Совершил по ошибке природы.

Есть для гениев жесткий запрет,
Безусловный в своем постоянстве:
Гениальных потомков – нет
Ни во времени, ни в пространстве.

Эту заданность переборов,
Сам – открытие среди открытий,
Неразгаданный Лев Гумилев
Захлебнулся в наплыве наитий.

Он улавливал издали –
Не с Небес ли? – сокрытые звуки.
Озаренья его на века
Сокрушили устои науки.

Что там – храм или просто хлам,
Общепринятого бездарность?
Он по-царски оставил нам
Ересь истины – пассионарность.

* * *

Инне Лиснянской

Когда твой поэт ушел навсегда,
Неслышно дверь отворив,
Взметнулась плачей твоих череда
Среди берез и олив.

Как бьется твой дух, чтоб не роптать,
Что он одинок, как перст.
Достойнее плача не услышать –
Как мир потайной разверст!

В таком двуединстве старых сердец,
Так бившихся в унисон –
Той вечности светит счастливый конец,
Когда навсегда – вдвоем.

И в небе разверзиися облака.
И неприснившийся сон –
Все отдает бытием на века,
Слившись с небытием.

/к 9 мая 2003 г./

БЕГСТВО В ГОРАХ

Марине И.

Склона растворяя очертанья,
Облака сгущались дотемна.
Ты хранила храброе молчанье,
Обуяна страхами сполна.

По какому замыслу природа
На тебя давила в этот миг?
Навалилась скальная порода,
И тревожно рокотал родник.

От растерянности покачнулась,
Взглядом измеряя высоту,
Осознав, чем нынче обернулась
Безоглядность спуска в пустоту.

Глупые слова или обида –
Закрутило, словно снежный ком –
Вниз, с горы, быстрее! Пропасьть из вида!
Пусть одна! Не думать ни о ком!

Гордость одиночества не будем
Осуждать – такое не к добру!
Только как тебе вернуться к людям,
Протянуть ладони к их костру?

ПОЭТ

Ты возвратишься ночью в комнату пустую,
С трудом открыв бесхитростный замок,
А заодно и истину простую,
Что пол опять уходит из-под ног,

Что стены косо падают под ноги,
И падая, опять твой потолок
Тебе на плечи тяжело налег...
Держись, атлант, и не ищи подмоги.

Тебе не привыкать, хоть всё не так-то просто...
Перековеркав всё в твоей судьбе,
Страна с хронической болезнью роста
Гигантским недорослем виснет на тебе.

Но упадешь ты, поздно или рано.
Суров и беспощаден будет век...
И ты стоишь, совсем уже не пьяный,
А сильный, обреченный человек.

ТВОЯ БЕССОННИЦА

Диптих

1.

Гремящая, громящая
Бессонница твоя.
Бог помочь! – Я, держащая
Частицу бытия –

Как средство во спасение
Таблеток смесь в горсти –
И свет успокоения,
И, Господи, спаси.

2.

Его душа полна настолько,
В ней так от слов и мыслей тесно –
Не ясно мне, порой, насколько
Моё присутствие уместно.

Но все сомнения мельчают:
Над ним Дамоклов меч иль молот –
Бессонницы. Он день не чаёт
Прожить, кошмаром перемолот.

...Покой душевный – лишь приснится,
Благословенно засыпанье:
Таблетки да врачей старанье,
Чтоб на моём плече забыться.

* * *

Замереть под твоею рукою,
Защититься, простить, забыть...
Я покрепче глаза закрою,
Чтоб в спасительном сне очутиться.

Где минувшие наши лица
С настоящим играют в жмурки.
Но страшусь, что все повторится
В этих звуках – откуда? – мазурки,

Где вся в белом мерцает невеста,
Мир предчувствием сладким окутан...
Сон споткнулся, с реальностью спутан.
В том, исчезнувшем мире нет места
Неурядицам нашим и смутам.

* * *

Тамаре Ж.

Что там днем не сложилось – хоть тресни,
Не дано разобраться мне.
У бессонницы – свои песни,
Свой полуночный гул во тьме.

Может, выпить пару снотворных?
Но боюсь, не возьмет ни одно.
Жаль стихов, как котят бездомных:
В сон, как в дом, их впустить не дано.

* * *

Бьют горячие славы ключи.
Наша частная жизнь уплывает.
Воском плавится, оплывает
Свечка-жизнь, кричи не кричи.

Окружись частоколом забот,
И терпению предела не станет,
И тебя никогда не затянет
Суесловий водоворот.

НА МЫСЕ КАЗАНТИП

Посвящается Киселёвым

Старый дом да скалистый уступ
В запустенье заглохшего мира.
Выбрав место, Володя и Ира
Здесь затеплили жизни уют.

От безвременья маеты,
От безрадостной нашей погоды
Смело бросились в царство свободы
И заброшенной красоты.

Шли года. Рядом море плескалось.
То грабеж, то иная беда.
Всё поселку чужие. Казалось,
Им не выдержать никогда.

Тяжек труд созидания мира...
Лучше глянь – как мечтой и трудом
Сотворили Володя и Ира
В темном царстве светящийся дом.

ЖИВЕМ В ЛЕСУ

Утверждения истины в жизни не сыщешь моей.
Заплуталась душа в пустяках бытования дней.

Метрономом стучит очередность незыблемых дел.
Вместо крупных мазков – мелкий пуантилизм мой удел.

Вместо поступи мудрости – мелких расчетов шажки,
Жизнь безжалостно крошится на каши и пирожки.

Не заснуть без снотворных, без кофе подняться – никак...
Но посажен в лесу меж корней базилик, пастернак,

И колдую над ними, над нами, как самозванный гуру,
Обогреть чтобы – тлею, не в высоком огне горю.

Но гремит жизни новой атака – берет на испуг,
И леса, как когда-то Итака, исчезают вокруг.

Вот и истина рядом – лесу, вечности сторожем быть...
И как Неба награда – вместе дни избывать и избыть.

/Переделкино/

* * *

Утром поздним выйду на крыльцо.
Солнечный на стол ложится глянец.
Дача. Завтрак. Сварено яйцо.
Насекомых лёгкий рой нагрянет,
И в глаза нежданно с ложки глянет
Стрекозы свирепое лицо.

Бабочка в таком же приближеньи
Сходное покажет выраженье.
Умоляю: пёстрые, порхайте!
Сущности своей не выдавайте!

Неспешны будни деревенские.
С прохладным днем играем в прятки.
С ленцой следишь уловки женские,
На солнце золотятся прядки.

Клик журавлиный примерещится,
И смотришь – не журавль ли в небе?
И море Черное заплещется –
Ты так давно на море не был.

И веришь – все опять повторится –
Не может ведь не повториться –
И окна на вечер зашторятся,
И в мраке забелеют лица.

Ты думаешь: глаза закрою,
Чтоб в сон блаженный устремиться,
И обниму тебя рукою,
В которой трепетнет синица.

/Переделкино/

* * *

Сон приснится цветной спозаранку:
Юный юнкер, цирюльник хромой,
Песни южные, блажь перебранки
И цветастая шаль с бахромой
Удивительно светлой цыганки.

* * *

Солнечный мир законный
Счастье неясно сулил.
Облака облик знакомый
Мимо загадочно плыл.

Облака облик знакомый
Плыл за стеклянной стеной,
Памятью ли влекомый
Или разлукой самой?

В облачном зыбком портрете
Мука иль благодать?
Жизнь не избыв до смерти,
Тайны не разгадать.

О СЕРЕБРЯННОМ ВЕКЕ

Перчатки, перья и муары,
Роскошества богемной жизни.
А по ночам без сна кошмары
Предчувствия грядущей тризы...
Начало века. Мемуары.
Читаем о конце отчизны.

СТАРЫЕ СНИМКИ

Как серьезны наши предки –
Снимки старые возьми –
Хоть мы с ними однолетки,
Как значительны они.

Видно, знали: мир их зыбок,
И не ведали они
Беззастенчивых улыбок,
Непременных в наши дни.

Неужели в их далеком
Взгляде в камеру – в упор,
Отпечатан ненароком
Будущего приговор?

* * *

Бабушки юной корсет
Хранился на дне сундука
И снимок, где бравый корнет,
Брат ее, – жертва Чека.

Младший брат ее – юнкерок
Сам на площадь явился на сбор –
И никто и подумать не мог,
Что расстрелян будет в упор.

Старый снимок, где лицам родным
Так спокойно, что больно смотреть.
И ничто не пророчило им
От чахотки в тридцатом смерть.

А корсетный китовый ус
Сварен – суп вам из топора! –
Страшен сказки военной вкус,
Но накормлена детвора.

Мы – бастарды, мы как бы никто,
Лишены и корней, и родни.
Но спасают их лица, и то,
Как из прошлого смотрят они.

РАННЕЕ ДЕТСТВО

В стойле лошадь бьет копытом,
Пахнет хлевом и теплом...
А во времени забытом
Холм, деревня за холмом.

Дикий бред эвакуаций,
Детству жесткий окорот.
Учит есть цветки акаций
Деревенский идиот.

Нежный липовый листочек –
Тоже сочно, тоже в рот.
В небе виден немец-летчик,
Низко-низко самолет.

И, подняв над головою
Яростный свой кулачок,
Я грожу ему, со мною –
Деревенский дурачок.

Вкус очисток от картошки –
Наш военный бутерброд.
Отдаленный гул бомбежки.
Рядом – добрый идиот.

* * *

Конфетами с начинкой пралине
Друг угощал тебя еще недавно.
Ты скатерть вышивала мулине,
И жизнь текла, налажена исправно.

Имелся секретер и будуар,
Сарай каретный и болонки в доме.
Чай, утро, бонна, самовар, и пеньюар –
Так жизнь текла в младенческой истоме.

В России от сумы и от тюрьмы
Издревле велено – не зарекайся.
Вдруг свой мятеж подняли силы тьмы,
И ты за старый мир – плати и кайся.

Какой же воцарился перепут!
Кто так погиб, кто после битвы спёкся...
А твой высокородный верный друг –
Он от родителей своих отрекся.

Раздавленный, ты вспоминала, как
Он клялся с честью выиграть сраженье –
Чернь победившую зажать в кулак
И отомстить за ужас униженья.

Достиг он власти. Но в предсмертной тьме,
Настигнутый вдруг детской дифтерией,
Не вспомнил ли?...Конфеты-пралине,
И жизнь на ниточке качнувшейся России.

РОССИЙСКИЕ БАРЫШНИ

Маме

Вы причесывались – не так,
Не ходили в красных косынках,
Всюду в туфельках, не в ботинках,
Не признав пролетарский диктат.

Не признав пролетарский диктат,
Не теряли времени даром,
Становились живым товаром –
И рабфаковцам и комиссарам
Доставались одной из наград.

Чудом вывезены в Москву,
В коммунальной сойдясь квартире,
Ждали очереди в сортире...
Узнавали своих за версту.

* * *

Выцветали книги страницы –
Роттердамский Эразм...
Время врачам отступиться:
Склероз или просто маразм.

А тебя обуяли боязни
Отголосками детских лет:
Уплотнения, обыски, казни,
А родных и в помине нет.

Ты еще ходила по дому.
Опасаясь недобрых глаз,
Закрывала шторы подолгу –
И свет солнца в доме угас.

Блиzkих как смыло – и точка,
Беспамятства беспредел.
Неузнаваемы дочка
И внучка – и мир опустел.

Как-то было: старался внучонок
Вручить тебе яблочек пакет.
Приняла из его ручонок,
Повторяя: – Не надо, нет.

Унесла – помыла – обратно:
Вот, гостинец, мальчик, поешь.
Доброта пробивала отрадно
В твоём замкнутом мире брешь.

Пробивался солнечный зайчик
И сквозь шторы, радуя взор.
“Возьми яблоко, мальчик” –
Все слышится до сих пор.

Вспомню – батюшка соборовал,
Ты лежала, хрипло дыша,
Словно слабую нить оборвал –
Тихо так отлетела душа.

Видно, так испокон веков:
Прикасаемся к жизни иной,
Как бы вырвавшись из оков
Стойла теплого жизни земной.

Как морозит разлуки новь.
Ставлю свечку зябкой рукой.
Остается со мною любовь,
А с тобою вечный покой.

Зыбок свечки прощальный блеск.
Как из вечности, дует в дверь.
Только чувства внезапный всплеск –
Мы воистину вместе теперь.

...А в гостиной царил полумрак,
Четких линий – почти ни одной.
Фотографии, ворох бумаг –
Смутный призрак жизни земной.

23 ИЮНЯ

Как будто кто вменил
Под храмовую сень
Вступить в июньский день,
В день мамы именин.

Начало всех начал.
Борьба добра и зла.
Акафист отзвучал.
Я медленно ушла,

За церковь завернув,
Иду среди могил.
И тополиный пух
Как сонм мельчайших крыл

Вниз, вверх легко летит,
Уж все вокруг покрыл –
И так легко парит
Над тяжестью могил.

В могильный тесный круг
Влетает не спеша.
И отзовется вдруг
Мне мамина душа.

ПРОЩАНИЕ С ОТЦОМ

Так тоской исходил одиноко,
Так глубок и печален был вздох,
Так глядел на меня издалёка –
Что пронзило: он болен и плох.

Он храбрится. Но дух обездолен.
Заостряются смертью черты.
Он с собой разобраться не волен
Пред чистилищем немоты.

Но запомнилось: утром рано
С этим взглядом издалека
Так естественно, так неожиданно
Лоб мой крестит его рука.

ПОДСТРОЧНИК СНА

Мне иногда снится сон,
Что у нас есть квартиры,
Вполне хорошие, но и вполне чужие.
(И солнечная сторона,
И изолированность комнат,
И обстановка – все как надо).
Но мы в них не живем.
А, упрекая себя за это,
Заходим иногда из осторожности,
Чтоб их не потерять,
И заодно полюбоваться
Их безусловными достоинствами.

А спим, живем по-прежнему
Все вместе в комнате
В квартире коммунальной
В том доме девять на Тверском бульваре,
Со всей той мебелью,
Роскошными паркетными полами
И теснотой, –
Как в детстве.
Здесь папа, мама, я и брат.
Но здесь и муж, и наша дочь
...И мальчик незнакомый,
Быть может, не рожденный мной ребенок.

...Отец так добр,
Так пронзительно уютен,
И главное – так жив:
До сапожной щетки в руках,
Которой он привычно,
С удовольствием,
Надраивает свои черные туфли на кожимите...

1977 г.

О ДЕРЕВЕНСКОМ ДЯДЕ

*“Рабочий и крестьянин
сразу”*

В. Маяковский

За прядью прядь власы перебирая,
Она сидела на крыльце и пела
И черную громадину сарая
С мычащим стадом видеть не хотела.

Лукавым взором барчука ласкала
И видела – его пылали уши.
А давеча все ведра расплескала,
Чтобы в жару порадовали лужи:

Ах, как веселье через край хлестало,
Когда, босые, брызгались блаженно,
Когда преграды пали, и не стало
Вдруг разницы в годах и положенье.

Как половодьем вешним затопила
Всей деревенской прелести услада.
И барчуково сердце затомило
Возможности крестьянского уклада

Предчувствие. О, как ему не сбыться,
И как в эпоху войн и потрясений,
Чтоб выжить, приспособиться, забыться –
Забиться в глушь еще родных селений?

Не помышляя об ином обряде,
Он расписался, наскоро женился.
...Решилась так судьба барчонка-дяди,
Он от сумы и от тюрьмы укрылся.

* * *

На смерть брата

Отшатнулся брат мой Лёня –
Жизнь без света и любви.
Не подставили ладони
Мы, все близкие твои.

Ты ушел, не оглянулся –
Нам укором на века,
В лучшем мире ты очнулся,
Залетев за облака.

Господи, молю, не в гневе
Зри, как плачу и плачу –
На его сорокадневье
Ставлю робкую свечу.

В горестном земном поклоне
В церкви маленькой стою,
Брату Лёне, брату Лёне
Царство в Небесах молю.

Он сорвался – Боже знает,
Без сознания, стгоряча...
Долго, долго догорает
Виноватая свеча.

Боже, то не грех гордыни,
А отчаянье в ночи!
Вечно светит свет отныне
Виноватой той свечи.

09.10.99.

* * *

А на кладбище – утро воскресное,
Маме, папе – Царство Небесное,
А из церкви – пенье чудесное,
И солдатики свечки жгут.

В этот светлый день Вознесения
Свято радостное утешение –
Свет с Небес и солнце весеннее,
И уверенность – Там нас ждут.

* * *

Памяти Лели М.

Я люблю кавказских старых женщин.
Всмотришься – не так уж и стары.
Самоотреченьем дух их мечен,
Лица непреклонны и добры.

Только небесам их подвиг внятен –
Целый век трудись, постись, говей –
Так болит душа от ран и ссадин,
От судьбы заблудших сыновей.

Как прекрасна, как грустна забота
Этих женщин, из последних сил
Бьющихся, чтоб дом был и ворота,
Грел очаг и сад плодоносил.

Чтоб не захлебнулся детский гомон:
Дом без них – что древо без ветвей.
Взгляд ваш к детям до конца прикован,
Матери заблудших сыновей.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ

Мы все от братьев Карамазовых,
Юродствующих на Руси.
Мы все поражены проказой их.
Убей нас, Бог, но воскреси.

Мы не самоубийцы кроткие
И не отцеубийцы мы.
Но речи наши – не короткие
И взгляды наши – не прямые.

Не жизнелюбы, но живучи мы,
Себе же в тягость, а живем.
Мы жизнь прождем, слезами жгучими
Огонь тот сами же зальем.

А если плачут Карамазовы –
Падучая! Иль благодать.
И здесь – свое благообразие,
Здесь вера – ереси под стать.

Здесь тягостным крестом увенчаны
И святотатствуют, и чтут.
И карамазовские женщины,
Предав, на каторгу идут!

...А вы богатыря безусого
Соорудили напоказ.
О, не выдумывайте русского!
Вы просто помните о нас.

Мы не изделия богомазовы.
Мы вам не льбимся с лубка.
Мы – разные, мы – Карамазовы.
И Русь являем на века.

* * *

Трезв, трудолюбив, благоразумен,
Поневоле чтит еврей Завет.
Но чуть что – гоним и наказуем:
За спиной Спасителя-то нет.

Православный мой богоизбранник,
Ванька, крой! Пей из последних сил!
Нагрешил – и дальше! Вечный странник.
Ты прощен. Спаситель искупил.

Вера во Спасение первична.
Потому-то на Руси бедлам.
Не дано нам утрашиться лично:
Каждому воздастся по делам.

* * *

Будь, как скромная божья коровка,
Тихо ползай да крылья смежи.
Что ты чувствуешь в себе, полукровка,
Между этносов руша межи?

Воплощение двуединства,
Беззаконный этнический стык.
Верх – отцовства иль материнства,
Даже если один язык?

Больше общего или различья?
Ты упорством – потомок славян,
Спесь ярильских – до неприличья?
...Но упрямые выи армян...

МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ

Законы древние с времен Юстиниана.
Тяжелое молчание ягнят,
Иль агнцев, – Библии или Корана –
Закланьем безответным мир объят.

Как вечно тихое ягнят долготерпенье.
Да слышит Божеский и человеческий Суд:
Уловите ягнят сердцебиенье –
Острожников на каторгу ведут.

О, как молитва страждущих кротка ты:
Приди, нарушь молчание ягнят!
...В ходу у дьявола из Библии цитаты,
И потому непредсказуем Ад.

В ГЛУХИЕ ГОДЫ

А около храма Космы и Дамиана
Разномастный собирается народ.
Здесь убогим – милосердья манна,
Но толчётся и нечистый сброд.

Прихожане храма Космы и Дамиана,
Средь свечами озарённых разных лиц
Как узнать вам соглядатая и хама
В этих людях, падающих ниц?

А батюшки храма Космы и Дамиана
Будто и не чают нечисть извести.
Видно, упованье – Небесная охрана,
Господи, спаси!

* * *

Сначала было Слово.

Слова...слова...

Слова – всему основа

И голова.

А после было дело

Без лишних слов,

И вскоре поредело

Число голов.

Виновных, непричастных

Не спас и Спас:

Огонь их душ несчастных

Равно угас.

О, скольким вновь нейметя –

Насиловать!

В раскаянье уймется ль

Россия -мать?

Где твари, где Творенью

Предел-порог?

Смотрите: меч отмщенья

Поднял пророк.

ВРЕМЯ

Ах, эта бабья заумь,
Мужской топорный ум.
Куда же мы сползаем,
Плетемся наобум?

Нас дома давят стены,
На воле – воли нет.
Не распознать подмены,
Но веры меркнет свет.

В народе воцарилась
Глухая нищета.
Глаза в глаза воззрилась
Российская тщета.

Молчит пророк-прозаик
В крикливые года.
И родина сползает
Неведомо куда.

* * *

А. Г.

Где волшебю затаились
Стены белого дворца,
Чудом наши очутились
Всполенные сердца.

Гор лесистых полукружья,
Графика древесных крон...
Мирно правит, без оружия,
Лодкой вечности Харон.

Благодать и тишь такая,
Что решили ты и я
Здесь чуток пожить, макая
Хлеб во млеко бытия.

* * *

Чувство собственной правоты,
Невозможность его отоварить
Вызывает прилив черноты
До неистовой жажды ударить.

Но гневливости нашей черты
Растворятся в стыдливом смиренье,
Если чувство неправоты
Нам подламывает колени.

* * *

О, прогресса сполохи
В боли, тьме, крови!
Боже, твои олухи
Гибнут без любви.

* * *

/Декабрь, война в Чечне/

Никого не поражает
Кровь разъявшейся страны.
Как живут, как поживают
Наши люди в наши дни?

В них несчастья вековые,
Рабства вечное клеймо.
Нехотя вставляют выи
В подновленное ярмо.

Так живут, так поживают
Наши люди в эти дни:
Сыновей их пожирает
Сумасбродный дух войны.

Знать, раскаянья-прошенья
Так и не взалкал народ –
И в печальном отвращенье
Отвернулся сам
Господь?..

СОЛДАТ В ГОСПИТАЛЕ

Буду помнить потерянный Терек,
Словно узник тюремную стену.
Покидая невольничий берег,
Оберег я на шею надену.

Будут в грохоте эти пространства
В новостных передачах являться.
...Но во сне, во спасенье – тиранство
Буду переиначивать в братство.

Всё мне мнится: ползу из траншеи,
Братство мертвых – куда ни глянь.
Оберег – просто камень на шее,
И остра его каждая грань!

ПЕСНЯ
О НЕВЫПЛАКАННОМ
ГОРЕ

Осветит солнце горы,
Потом уйдет за море.
Твое уймется горе
Иль неизбежно горе?

Мужчина сник бессильно.
Страшна войны потрава.
Отцу оплакать сына –
Не дал обычай права.

Все юные ложатся
Подножием Отчизне.
Ах, как ему держаться
На бивуачной тризне?

Мужчины здесь не плачут,
Мрачны, прямы их взоры.
На лошадях поскачут
Крепить сынов дозоры.

Осветит солнце горы
Потом уйдет за море.
Твое уймется горе
Иль неизбежно горе?..

О НАРЯДНОСТИ ЦЕРКВЕЙ В РОССИИ

Люди холодной и темной земли,
Где вам осветиться-согреться?
Из Греции веру вам принесли
Владимир и единоверцы.

Люди старались чужую речь
Постичь – на костыль опереться,
Чтоб душу свою распрямить и сберечь
И заодно – отогреться.

И засияли хоромы церквей
В селах бедных и в стольном граде.
Здесь злато икон и пламя свечей,
Здесь люди в тепле и отраде.

Сияньем Небесного Царствия здесь
Светло одаряются люди.
Пред Небом церковным ни снег с небес,
Ни холод – души не остудит.

С тех пор наша вера тепла и светла,
И взгляд прихожан неспешен:
Здесь золота яркость, елейная мгла –
Согрет человек и утешен.

* * *

В Бога верила беззаветно,
Хотя в церковь нечасто ходила.
Неумело и безответно
Ощущала в молитве силу.

Робость к бабушке пробиваться
Мне всегда в многолюдье мешала.
Но к святыням – вольно приобщаться,
Ощувив очищенья начало.

И как редкое чудо – причастье
Во спасенье давало отраду.
И Небесный Свет от несчастья
Ограждал, и другого не надо.

У СОСНОВО-БЕРЕЗОВОЙ РОЩИ

Чудо рыжих и белых стволов,
Зелень листьев и вспышки цветенья.
Синева – как небесный улов,
И прозрачность, как в дни Сотворенья.

Замер взгляд, как в тенетах застрял
В водах заводи или тони...
Словно чуткую душу в астрал,
Ты в зарю погружаешь ладони.

Как предвечная наша любовь –
Певчих птичек столпотворенье.
И как встарь, возносятся вновь
Над Россией наши моления.

/В Светлую Пасхальную неделю/

ВЕЧНЫЙ ЖРЕБИЙ

Л.Г.

Сжало судорогой молчания.
Биться – воду в ступе толочь.
Но в привычной тщете помочь
Снова бьётся, отбросив прочь
Недоступную роскошь отчаянья.

Как живется с такой перегрузкой?
Как написано на роду:
В здоровой памяти иль в бреде,
Впопыхах, на лету, на бегу
Отводить от своих беду –
Вечный жребий женщины русской.

ГРУСТНЫЙ ДИПТИХ

1.

Душа надломилась тоскою,
Как дерево рыхлостью мха.
Но если чего-нибудь стою –
Спасусь и спасу от греха.

Предвижу березы паденье
В глухом равнодушном лесу.
Но – явится стихотворенье,
И душу живую спасу.

2.

Вдруг нахлынет боль щемящая,
Как прибой грядущих бед –
Возникает уходящая
Перспектива прошлых лет.

Сердца грусть неутоленную,
Память с миром упокой.
Сбить бы с глаз волну соленую
Закачавшейся строкой.

МОНОЛОГ ОФЕЛИИ

А знаете, меня убили.
Я не шучу. Мне вовсе не до смеха.
Не вырвали из пальцев моих лилии,
Не сняли синтетического меха.

Разбоя и насилья не было.
И даже бриллиантик подарили.
Почти не заслонили света белого,
И среди света белого – убили.

РЕАНИМАЦИЯ

Но вот очнулась. Импульс жизни
Включил твой пульс. Опять живи.
И призраком внезапной тризны
Себя и близких не трави.

Когда назначено судьбою,
Не раньше! – в вечность дверь открой.
И, если выдержишь, с тобою
Пребудут воля и покой.

* * *

А средней полосы унылость
Теперь с годами все милей.
Здесь гармонично угнездились
Терпенье и надежность дней,
Лесов дремучесть, свет полей
И долгая зимы постылость.
Здесь меры таинство открылось.
И повторюсь, мне все милей
Земля – не рай, но Божья милость.

ЛОПУХ

Лопух на газоне-поляне царит.
Он как бы из кактусового беспородья,
Но как экзотично-сурово глядит
Среди разноцветья и разноплодья.

Траву я вокруг него подстригу,
Он гордо роскошные выпрямит листья.
Я глаз от него отвести не могу,
Из лейки полью, помогу укрепиться.

Смотрите, как прям и высок он, и горд!
Не нашего, царского – вот ведь! – обличья.
Средь треньканья общего – мощный аккорд
Нетронутой, цельной природы величья.

Как свеж, неожиданен его дар
Величием облагородить пространство –
По нашей банальной привычке удар
Упорно вершить травокоса тиранство.

...Дизайнеры сада, борцы с сорняком,
Сторонники оскопленной лужайки,
Закон разнотравья нам с детства знаком
И он нам милей всех экзотов Ямайки!

* * *

Поздней осени цветы
Хрупкие, невзрачные
Бережно опустишь ты
В рюмочку прозрачную.

Вот сиреневый цветок,
Листики зеленые
И ромашковый желток,
Стужей опаленные.

Огорчишься невпопад
Их прозрачной редкости.
Но притягивает взгляд
Обаянье ветхости.

Ждать июльской красоты
Нам – как в небе просини...
Запоздалые цветы,
Икебана осени.

РЕДЕЕТ ЛЕС

Очередная высохла береза,
Ветвями чертит неба окоем.
И проводам привычная угроза,
В опасности и крыша, и сам дом...

Содом! Коттеджей громадье ваяют,
Костры палят, жгут пластик и гудрон.
Что станется, когда леса повалят?!
Опять в лесоповал люд вовлечен!

Среднеазиатцы, русы из провинций –
Работа спорится, грохочет – дым в глаза!
У местных незатейливых провидцев
В глазах печаль да дымная слеза.

Лес погибает, стонет...Да не слышат!
Объемы строек распирают лес,
Крошатся его ребра, еле дышит...
Бес правит бал по праву? Или без?
И крах экологов...
Но гнев Небес...

Переделкино, август 2007.

ЗА ГОРОД С МАЛЫШОМ

Нимбом над городом смог –
Словно предвестник конца.
Дымным дыханием – с ног
Робкого пришлеца.
Город властной рукой
Держит, драконом в упор
Дышит, и быт городской
Мчится во весь опор.

...Воля где и покой –
Счастье простых забав?
В день оголтелый такой
Сына с собой забрав,
Вырвалась за город с ним
В лиственный лес у реки,
Чтоб насладиться одним
Небом из-под руки,
Солнцем и тенью дерев,
Запахом трав и земли,
Чтобы себя отогрев,
Души дышать смогли.

Звонкий родник какой!
Птичий гомон дубрав.
Патриархальный покой
Пьем, на колени припав.

ЛЕТО В ПОДМОСКОВЬЕ

Июнь наступил. Птицы гнезда слепили.
Их слушали все, кто был слушать готов.
Но капли дождя то и дело лупили
По листьям и сникшим головкам цветов.

В природе мы жадно искали приметы
Содействия нашим неярким местам,
Ловили тепло долгожданного лета
И к солнцу тянулись, подобно цветам.

Представьте, хотелось денечков погожих,
Хотелось поменьше дождей проливных
И летних веселий, и праздных прохожих –
Нам юга хотелось в широтах родных.

* * *

Тане Э.

Осень грустной птицей
Кружится над нами.
Но воспоминаньем
Об иной поре
С синими горами,
С южными морями
Сон цветной приснится
Людам в ноябре.
Спите больше, люди,
Осенью ненастной
И когда несчастье,
И когда невмочь-
Сон до боли ясный,
Солнечный, прекрасный
Вам спасеньем будет,
Люди, в эту ночь.

Вы не сомневайтесь,
Вам приснится это:
Просто где-то лето
В солнечном кольце,
Ввысь столпами света
Поднята планета,
А вот и вы смеётесь —
Брызги на лице!

СТАРАЯ ГАГРА

Памяти принца Ольденбургского

Просолёной воды напевность,
Запах дерева, дух земной.
Этих мест черноморская древность
Нас окатывает новизной.

Деревянный дворец, как в сказке,
Без гвоздя – не наш глазомер! –
Возведен по заморской подсказке
На загадочный русский манер.

Днем недвижим колосс деревянный,
Мертв, как замок из кирпичей.
Но живет он в волнении странном
В темноте и тиши ночей.

Будто тень императора бродит
Или принца тоскует душа,
Колобродит, владенья обходит
И творенья свои, не спеша.

Как изгнанник седой и былинный,
Молчаливый ночной пророк
Обивает строитель старинный
Свой последний, свой вечный порог.

...И тот скрип половиц и шуршанье,
Шепоток потолков и стен
Убаюкивают обещаьем
Утешительных перемен...

ИТАЛИЯ, ГОРОД ПЕННЕ

В тот древний Пенне, в серебре,
С дороги чуть не сбившись,
Мы прибыли. Он на горе
Стоит, в нее врубившись.

Как занесло наверх горы
Соборов древних стены?
А рядом – крики детворы
В час школьной перемены.

К собору грузному впритык
Легла тумана млечность.
Здесь город к вечности привык,
Не замечая вечность.

Средневековых замков спесь,
Чугунные балконы.
Мужчины мрачноваты здесь
И замкнуты матроны.

Ход нашей жизни клочковат,
Сплошные неувязки.
Но Пенне убедит стократ
Жизнеподобьем сказки.

...И вновь Россия в ноябре,
Да тусклый свет в оконце.
Но вспомним – город на горе,
Вино, спагетти, солнце.

В АРМЕНИИ

Ни лесов, ни берез, ни полянок...
Арарат. Горы. Камни. Севан.
Только крупноголовость армян
И точеные лица армянок.

Как горды их печальные лица
И гортанен их древний язык.
Здесь поет, причитая, родник.
Здесь от общего горя не скрыться.

* * *

Древности живительный изыск –
Внятен нам восточной кухни искус.
Разнотравья как таинственен язык!
Прихотлив как вкус, как яркое привкус,
Как затейлив древности изыск!

НА СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

Диптих

1.

В грехах покаялась, врагов простила,
Зла не держала, от души молилась –
Была мне явлена такая милость –
У Господа на Родине гостила.

2.

Жили в мОроке, но в подсознание
Мы, потомки взыскующих града,
Сберегали чужие названья –
То ль отравы нам, то ль – отрада.

И попав в этот край изначальный –
Это чудное чудо – попали! –
Воздух неба сухой и печальный,
Как предвечный покой вдыхали.

Как нас Мертвое море держало
В колыбельных, но крепких объятьях,
Солью, солнцем смысл выжигало:
Здесь Прародина всех Прабратьев!

В КРЫМ

Все давит жизнь на плечи,
Хлопот – невпроворот.
Уедем мы далече,
Туда, где море ждет.

...И бухта Коктебеля
Распахнута глазам,
И мы, глазам не веря,
Ударим по газам.

Как будто джазом-свингом
Растоплены глаза.
Машина лязгнет с визгом –
Нажмем на тормоза.

Царит на побережье
Наш здешний Колизей –
Жив и несет служенье
Волошинский музей.

И будто жизнь по новой
Свой солнечный отсчёт
Начнёт – и мы в столовой
Гадаем – чёт-не-чёт.

Кругом свои роятся,
Уютностью дыша.
И перестанет рваться
И отдохнет душа.

Отроги Кара-Дага
И голубой прибой.
Столичный бедолага,
Очнись – и Бог с тобой.

УЕДЕМ НА КАЗАНТИП

На мире панцирь тусклый, горький.
Но как же расцветаешь ты,
Когда распахиваешь створки
В мироприимство доброты.

Тогда нам повезет воочью
Увидеть мир, как Божий рай –
И ярким днем, и тайной ночью;
И шум волны и птичий грай

Услышим, как ни разу прежде;
Увидим чаек тяжкий взлёт
И пляжный люд в скупой одежде
И местный незлобивый скот –

Козу с козлёнком, трио кошек
Да стайку куриц и гусей,
Их вечный поиск мошек, крошек,
Рыбёшек – словом, снеди всей.

Земля и море, степь сухая
И солнечный коловорот.
И чайка, крыльями махая,
Над самой головой полет

Вершит бесстрашно, явно целясь
В рой заигравшихся мальков –
Жестокая природы прелесть
Без всяких ханжеских оков

Вокруг представлена успешно.
...А нам осталось в корень зреть,
Взывать к Всевышнему утешно,
За жизнь, за все благодарить.

ПОЛЕТ ЗИМОЙ В БЕЗОБЛАЧНОМ НЕБЕ

Какая радость видеть с самолета
Земли родной раздольные поля,
Лесных селений хлебные щедроты
И чувствовать тебя родной, земля!

Снега на солнце, будто перламутр,
Блистают, выделяя навсегда
Дороги, реки, самый малый хутор
И самые большие города.

Леса, леса, очерченные снегом,
Внушают нам в кольце дорог и рек,
Что созданный отчасти человеком,
Сей Божий мир щедрей, чем человек.

* * *

Экономика – наука?
Иль ученое холуйство?
Экономика – искусство?
Экономика – игра!

Корифеи мыслят вяло,
И проглядывает скука
В умудренности ученых.
Лишь азартны шулера!

ПОЭТЫ

Ваш удав – всевластный редактор,
Укреплён теневой мошной,
И чиновник-то небольшой,
Глаз замылен и пуст душой –
Между верхом и низом адаптор.

Верх – начальствующие коллеги
Смотрят вниз сквозь чиновью спесь:
Там толпятся поэты-калеки,
Не прося социальной опеки,
Нищеты и гордыни взвесь.

О, поэт, возродись, воскресни,
Ужаснись торжеству обирал!
Стадионы ваш брат собирал!
Без поэзии, правды и песни
Сам народ глухо близится к бездне –
Горе хору без запевал!

КОГДА МИР УБОГ

Привычно ногти отлакировала,
Достала, надела любимый браслет.
Но что-то внутри вдруг запаниковало:
Вот сборы, вот праздник, а жизни – нет.

И грим и гримасы на лица ложатся,
Всем не возбраняется выход в свет.
И отмельтешившись, все спать ложатся,
С нелюбым нелюбый – и жизни нет.

Как прячемся мы за снотворными спален.
Не задан вопрос, не услышан ответ.
Как мир наш убог – он Богом оставлен.
Мы всё трепыхаемся – жизни нет.

ПРОПИСНЫЕ ИСТИНЫ

Учись живя, живи – учась.
Проверить не хотите ль?
Ну как же, учимся, сейчас.
Жизнь, говорят – учитель.

Сказать бы без обиняков,
Всерьез, на жизнь кивая:
Учитель без учеников –
Вот наша жизнь кривая.

К тому, что слушать не хотим,
Высокомерно глухи.
И только исподволь кряхтим,
Считая оплеухи.

Уроков этих круговерть
Всю жизнь увечит-мучит.
И недосуг понять, что смерть –
Она всему научит.

РУССКИЙ БИЗНЕС

Они что-то такое умеют,
Что-то брать, что-то не отдавать,
Но, к несчастью, свойство имеют
До полтинника умирать.

Юный бизнес пустился в мытарства,
В эту гонку – иметь, не иметь.
От болезни и страха лекарство –
Страхование жизни – на смерть.

НА «АВОСЬ»

С вечным нашим “авось” на губах
Едешь жизнь раскрутить, развернуться.
На чужбине легко промахнуться,
Огляделся – а дело-то швах.
Но спасает надежда вернуться:
Лучше дома сидеть на бобах.

Вечно ты попадаешь впросак,
Отторгаемый всюду подкидыш,
Сам обижен – других не обидишь,
И в исходе спасенья не видишь,
Все ж ты русский дурак – не дурак.
...Да, в России у нас кавардак.

В СТОРОНЕ

Он рискует.

Ты рискуешь.

Все рискуют.

Но не я.

Он спасует.

Ты спасуешь.

Все спасуют.

Но не я.

О ДУРОСТИ

Объяснения в любви –
Это дело юности.
После, как ни назови,
Все это от дурости.

Часто просто не с руки
Устоять по пьянке,
Ну а чаше – вопреки
Пьяной перебранке.

А на утро не поймешь
Смысл своей понурости,
И не ценится ни в грош
Радость пьяной дурости.

И не знаешь наперед,
На каком ухабе
Черт опять тебя приткнет
К захмелевшей бабе.

Утром снова вожделей
Старости и мудрости.
Хмуρο стопочку налей
От вселенской дурости.

НА ЮБИЛЕЕ Н.

Гость с пожеланьями успеха
Спешит скорей наполнить брюхо.
А юбиляру не до смеха,
И славословья режут ухо.

От самого себя воротит
На шабаше веселой тризны.
Но кто воротит, кто воротит
Утраченное утро жизни?

...А гость тостует беспечально,
Богат хозяин – блюд навалом.
Он сам задумал изначально
Провал заделать карнавалом.

РАССКАЗ ГРУСТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Не заладилась с утра погода.
Настроенье не заладилось с утра.
Это чаще происходит год от года.
Значит, к психоаналитику пора.

Психотерапевт и аналитик
Выспросит о маме, об отце
И транквилизатор-спазмолитик
Неприменно посоветует в конце.

Он в глаза уставит взгляд сосущий
И в себя вберет остаток сил.
Я взмолюсь: О, Боже Всемогущий!
Разве этого с надеждой я просил?

Боже покачает головою:
Сын мой, слишком много не проси,
Сам с хандрой расправься, и с тобою
Будет мир – и ближнего спаси!

КОНЕЦ ВЕКА

Компьютеры дожевывают книги –
Зато вкушаем финики и фиги.

Слиянье электроники и быта,
Овца клонирована – жизнь побита.

Эпохи целой вестницей конца
Опять пришла английская овца.

При феодалах, как учил нас Маркс,
Откуда в Англии возник рабочий класс?

В основе класса-гегемона первородства
Лежит расширенное овцеводство.

Завидная у твари сей харизма:
Была могильщиком феодализма!

Теперь, как некий символ смены вех,
Обречена она, как прежде, на успех.

РЕЗУС-ФАКТОР

Вот таинственный адаптор
Жизнестойкости землян:
Обезьянки резус-фактор
Человечьей крови дан.

В обезьяньем общежитье
Были мы, да не совсем.
Доказательство – открытие:
Резус-фактор дан не всем.

Этот резус, этот казус
Метод Дарвина поправ.
Всей его системы базис
Покачнулся и пропал.

...Всё обращены, мне снится,
В нашем прошлом далеке
К инопланетянам лица
В обезьяньем молоке.

* * *

Виртуальных любить простаков –
Дело гиблое, уж не взыщи.
Чуть зевнешь – он и был таков,
Был – и нету: ищи не свищи!

Не поймаешь на компромисс,
Политес наш трещит, как протез.
В заэкранном ли мире завис,
В законном ли мире исчез.

То ли вечность парит, то ли миг?
Не у дел быть – его удел.
Он по-царски входить привык
В межеумочный беспредел.

Виртуальных понять простаков –
Что с грядущим наладить связь:
О, исход из земных оков
В заэкранную ипостась!

ПЫЛЬ

Мельчайшие частицы бытия,
Неведомого замысла приметы:
Не вечность ли касается тебя –
Так опыляются вокруг тебя предметы.

Задумаемся: – Что такое пыль?
Хозяйки ли извечная беспечность?
Или она сквозь миллионы миль
За нами наблюдающая вечность?

Откуда постоянства маета
В стирании пыли непреодолимой?
Намёк, что жизнь – тщета и суета
Под оком вечности неумолимой?

Как мироздания живое вещество,
Неистребимый символ постоянства,
Пыль, как и мы, не ведая того,
Врывается во время и пространство.

Живём свой век в непознанной пыли
На пыльной нашей маленькой планете.
И сами мы – частицы ли Земли
Иль этой пыли вездесущей дети.

* * *

Мне плохо или хорошо?
Вокруг меня не та эпоха.
И мир не вылеплен еще
Иль лепится, скорее, плохо.

Перетерплю, не бью на жалость.
Хоть никому не обязалась
Не дергаться из ничего
И не роптать – такая малость.

Из притчи выпростать верблюда
И убедиться, как легко
Войти в игольное ушко
Всем нам – богатства нет покуда.

* * *

Жизнь твоя – случайный сон.
Смерть – предвечный плен.
И известно испокон,
Что мы – прах и тлен.

Но затверженным азам
Верить не спеши.
Жизнь и смерть даются нам
В странствиях души.

* * *

И вкусом красного вина
И белого отчасти
Мы насладились и сполна
Хлебнули млека счастья.

Оглавление

Снег и виноград (Двумя перьями об одной любви) Предисловие Т. Жирмунской	5
--	---

Стихи Фазиля Искандера ФОРМУЛА РОЗЫ

Айсберг	22
Баллада о блаженном цветении	24
Весна	26
Вечер	27
Высота	28
Гневная реплика Бога	30
«Город или мир в тумане?..»	31
«Да, государство с государством...»	32
Двое	33
Ель	35
«Есть странный миг любви...»	36
Женственность.....	37
«За то, что верен мой союз...»	38
«Как славно умереть и испариться...»	39
Квишхети	40
Кольцо	42
Красота.....	47

На причале	48
Ласточка	49
Летний лес.....	50
Любой ценой.....	51
Малышу.....	53
«Мне снились любящие руки...».....	54
Молитва за Гретхен.....	55
На ночь.....	56
На палубе	57
Наследник	59
«Незабываемый вовеки...»	61
«Ненапечатанная повесть...»	62
Ночной пир на развалинах Диоскурии	63
Ночь и день	65
О матери	66
Пицунда	67
Плач по Черному морю	69
Признание.....	71
Протирающая очки.....	74
Ребенок	76
Рождение человека.....	78
Россия пьющая.....	79
Свиданье	80
Сила.....	81

«Сирень и молнии...».....	82
«Слились в объятиях, и он...».....	83
Совесть.....	84
Среднерусская осень.....	85
Старик и старуха	86
Строфы	87
«Ты говоришь: „Никто не виноват...».....	89
Улыбка.....	90
Еще улыбка	91
Фонарик	92
Формула розы.....	93
Язык	94

Стихи Антонины Хлебниковой (Искандер)
ПОБЕГИ ДУШИ

Начало /диптих/	99
1. Сухумский берег. День.....	99
2. Сухумский берег. Ночь	100
«Видно, счастлива до неприличия...»	101
«Где бы найти мне бумаги такой...»	102
«Мне временами кажется, что я...»	103
«Доверчивость мне детство даровало...» ..	104
Последнее.....	105
Я перестану	108
В метро	109
Ночная гроза в Сухуме	110

Весна. Коктебель.....	111
Книгочей.	112
«Опять одна. Беспомощно и пусто...»	113
Ночное	114
«На меня навалился страх...»	115
«Стихов короткое дыхание...»	116
Памяти Льва Гумилёва.....	117
«Когда твой поэт ушёл навсегда...».....	118
Бегство в горах.....	119
Поэт.....	120
Твоя бессонница /диптих/.....	121
1. «Гремящая, громящая...»	121
2. «Его душа полна настолько...»	121
«Замереть под твою руку...»	122
«Что там днём не сложилось...».....	123
«Бьют горячие славы ключи...»	124
На мысе Казантип.....	125
Живём в лесу.....	126
«Утром поздним выйду на крыльцо...».....	127
«Неспешны будни деревенские...»	128
«Сон приснится цветной спозаранку...» ...	129
«Солнечный мир законный...».....	130
О Серебряном веке	131
Старые снимки	132
«Бабушки юной корсет...»	133
Раннее детство	134
«Конфетами с начинкой пралине...»	135

Российские барышни.....	136
«Выцветали книги страницы...».....	137
«Вспомню – батюшка соборовал...»	139
23 июня.....	140
Прощание с отцом.....	141
Подстрочник сна.....	142
О деревенском дяде.....	144
«Отшатнулся брат мой Лёня...»	146
«А на кладбище – утро воскресное...».....	148
«Я люблю кавказских старых женщин...»	149
Братья Карамазовы.	150
«Трезв, трудолюбив, благоразумен...»	152
«Будь, как скромная божья коровка...»	153
Молчание ягнят	154
В глухие годы.....	155
«Сначала было Слово...»	156
Время.....	157
«Где волшеббно затаились...»	158
«Чувство собственной правоты...»	159
«О, прогресса сполохи...»	160
«Никого не поражает...»	161
Солдат в госпитале.....	162
Песня о не выплаканном горе	163
О нарядности церквей в России	164
«В Бога верила беззаветно...».....	165
У сосново-берёзовой рощи.....	166

Вечный жребий	167
Грустный диптих.	168
1. «Душа надломилась тоскою...»	168
2. «Вдруг нахлынет боль щемящая...» ..	168
Монолог Офелии	169
Реанимация	170
«А средней полосы унылость...»	171
Лопух.....	172
«Поздней осени цветы...»	173
Редет лес	174
За город с малышом.....	175
Лето в Подмосковье	176
«Осень грустной птицей...»	177
Старая Гагра	
/Памяти принца Ольденбургского/	178
Италия, город Пенне	179
В Армении.....	180
«Древности живительный изыск...»	181
На Святую землю /диптих/	182
1. «В грехах покаялась...»	182
2. «Жили в мороке...»	182
В Крым	183
Уедем на Казантип	185
Полёт зимой в безоблачном небе.....	187
«Экономика – наука?...»	188
Поэты	189

Когда мир убог.....	190
Прописные истины	191
Русский бизнес.....	192
На «авось».....	193
В стороне.....	194
О дурости	195
На юбилее Н.	196
Рассказ грустного человека.....	197
Конец века	198
Резус-фактор	199
«Виртуальных любить простаков...».....	200
Пыль.....	201
«Мне плохо или хорошо...»	202
«Жизнь твоя – случайный сон...»	203
«И вкусом красного вина...»	204

Книга издана при поддержке
семьи Атьковых –
Олега Юрьевича и Евгении Львовны

Фазиль и Антонина
ИСКАНДЕРЫ

Снег и виноград
О любви и не только

Художественное оформление – Андрей Мальков
Верстка и дизайн – Игорь Жучков

Подписано в печать 08.02.2011. Формат 60x90/16.
Гарнитура Alliance. Печать цифровая. Усл.-печ. л. 13,5.
Тираж 150 экз.

Отпечатано ООО «Лаборатория Книги».
123242, г. Москва, ул. Красная Пресня, д. 9.
E-mail: izdat@maroseyka.com
Тел./факс: +7 495 98 98 437

Фазиль и Антонина
Искандерья

Снег
и
виноград

Для читателя этой уникальной книги будет радостным открытием, что супруга живого классика Фазиля Искандера, «Муза», верно сопровождавшая его всю жизнь, еще до их встречи начала писать отличные стихи.

Но выйти на люди поэт Антонина Хлебникова (Искандер) решается впервые. Событием, придавшим ей смелости, стала... юбилейная дата: 50 лет вместе!..

«Золотая свадьба» - явление в наше бурное время не частое...

А ведь тут судьба свела таких непохожих и выпало им пережить множество тяжелых испытаний - Искандер, как известно, никогда не был «любимшиком» власти.

Торжественного юбилея у них не было.

Дата пришлось на минувший август, когда Москва задыхалась от дыма пожаров.

Так что эта книга и есть по сути «золотая свадьба» Искандеров.

Диалог в стихах редких по духовной красоте и мудрости людей будет интересен не только поклонникам творчества Фазиля Искандера, но и всем, для кого понятие «российская интеллигенция» - не пустой звук.

ISBN 978-5-903271-74-0

9 785903 271740